Варя Медная
Алена Савченкова
Принцесса
в Академии

Алена Савченкова
Варя Медная

Принцесса в Академии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68974956
SelfPub; 2023

Аннотация

Ливи – самая обычная принцесса, которую завтра, согласно договору, должны передать дракону Якулу Кроверусу, и никто не знает, кем она для него станет: невестой или ужином. Что делать в такой ситуации? Конечно, посетить сеанс опальной предсказательницы, сбежать из дворца и отправиться на поиски истинной любви, чтобы попасть в Затерянное королевство и обнаружить, что Суженый – один из студентов местной академии. Вот только который?..

Алена Савченкова, Варя Медная
Принцесса в Академии

Посвящается моей очаровательной племяннице Оливии и всем принцессам мира

To my charming niece Olivia, and all the princesses in the world

Глава 1

в которой я слушаю предсказание Вещей Булочки и нарушаю волю отца

– Ты ведь знаешь, что мы тобой гордимся, солнышко?

– Да, папа.

– И что всё королевство тебе очень благодарно…

– Да, папа.

– Умница моя.

Он поцеловал меня на ночь, поправил одеяло и направился к двери. Я честно сдерживалась до последнего, но тут не выдержала:

– Ненавижу-ненавижу драконов!!

– Тсс… – Папа беспокойно заозирался. – Нехорошо так

говорить про будущего супруга.

– Откуда ты знаешь, что он возьмет меня в жены? А вдруг просто слопает?

– Ну что ты, солнышко, всё это досужие сплетни.

Однако я уловила-таки нотку сомнения в голосе.

– Но точно ведь никто не знает! – настаивала я. – Никому неизвестно, что происходит с принцессами, которых забирают драконы. Все, конечно, предпочитают утешаться красивыми сказками и поднимать кубки за здоровье молодых, в то время как новоиспеченный жених, возможно, закусывает невестой!

Папа у меня невысокого роста, но, когда делает вот такое серьезное лицо, как сейчас, то тут же становится очень внушительным – сразу ясно, кто здесь король, и что спорить бесполезно.

– Оливия Виктима Тринадцатая, я более не желаю слушать подобные речи. Мы свято чтим древний договор между драконами и людьми. Поэтому завтра на рассвете ты будешь торжественно передана в руки, вернее, лапы Якула Кроверуса, повелителя Горы Стенаний и Ужасов. Мы уже и помост выстроили. Что я скажу плотникам?

Да знаю я про этот помост! Всю неделю под окнами башни стучали. Он и шторками снабжен. Папа сказал, мол, для красоты, но я-то догадалась: это на случай, если дракон решит сожрать меня прямо на месте. Так и вижу эту сцену: из-за занавески доносится чавканье и смачная отрыжка, а пер-

вый советник Иезуитус поясняет зрителям, что волноваться нечего, и молодые всего лишь приступили к праздничному обеду.

Нет, вы не подумайте, папа у меня хороший, просто он Бессердечный Король. Но всё равно очень меня любит – так, как только может любить человек, у которого нет сердца. Кстати, последнее обстоятельство мы выяснили совершенно случайно. Так, во время очередного планового осмотра у королевского лейб-медика вдруг оказалось, что этот орган отсутствует. Сперва все, конечно, переполошились, а врач даже заявил, что без сердца королю жить не положено, но когда наш придворный палач прошёлся под его окнами с секирой, тут же согласился, что это всего лишь особенности строения.

Тогда-то королевство и решено было переименовать в Бессердечное и сменить форму у придворных на более зловещую. Строились разные догадки относительно произошедшего, и лишь через какое-то время удалось установить, что на папу наложили заклятие, так что он попросту не помнит, где и при каких обстоятельствах потерял сердце. Переживал, конечно, поначалу, но потом привык. Он у меня по жизни оптимист и действительно искренне верит, что со мной всё будет хорошо.

Когда он ушёл, я вылезла из постели, покормила своего паука Магнуса и решила потренироваться в принятии жертвенных поз.

– Я покорна своей судьбе! – восклицала я, встав на колени

и молитвенно сложив руки.

– Надеюсь, моя бренная плоть не вызовет у вас несварения, – произносила я едва слышным и очень самоотверженным голосом.

Придумать что-то более оригинальное никак не получалось: зеркало постоянно хихикало и сбивало настрой.

Конечно, в тайне я надеялась, что мне не придётся всё это завтра говорить, но лучше подготовиться, на всякий случай. В такие моменты от принцесс ждут красивых возвышенных речей, и неловко получится, если я буду мямлить что-то неразборчивое.

Я вернулась в кровать, взяла с тумбочки ночник и потрясла его. Рыбки тут же проснулись, засуетились и начали светиться.

А платье? – спохватилась я. – Наверное, нужно было заказать что-то белое, но универсальное – чтоб и на свадебное похоже, и, в случае чего, в саван удобно было перекроить. На полпути к двери я повернула обратно: поздно, придворная модистка уже спит. Единственная, кто мог бы мне помочь – фея со скороножницами, но у неё заказов тьма, на год вперёд. Да и папе я обещала не переступать порог комнаты до завтрашнего утра.

Я вздохнула и взяла с комода гребень для придания блеска.

– Ах, какие у вас восхитительные локоны, принцесса, – льстиво проворковал гребешок. – Аки златый плащ.

Я высунула язык:

– Подлиза!

Но всё равно приятно.

Отсчитав положенные по числу лет семнадцать раз, вернула гребень на место и прошлась по своему златому плащу следующим – для придания объема. И в тот момент, когда потянулась за третьим – с ароматом орхидей, за окном послышался шум, и в проёме мелькнули рыжие завихрения. Не знай я Мику, решила бы, что снаружи пожар.

Я тут же бросилась к окошку. Мика висел, вцепившись одной рукой в кладку, другой – в плющ, и обратив ко мне умоляющий взор. В зубах он держал совершенно ужасную шляпку.

Я схватила его за уши и, пыхтя, кое-как втащила в комнату. Оба без сил повалились на пол.

– А дверь на что? – спросила я, отдуваясь.

– Так там же стража! – пояснил он, выплюнув шляпку и потирая уши. – Чтоб не вызывать подозрений.

– Да нет там никого! Сегодня же турнир, папа пораньше всех отпустил. К тому же, ты мой паж, так что, в любом случае, не вызвал бы подозрений.

– Решил подстраховаться, – сказал Мика, почесывая ладони.

– Ах да, папа велел ядовитый плющ на стене посадить, чтоб рыцари не шастали.

Мика возмущенно вскочил на ноги:

– Какой у тебя папа…Бессердечный!

– А то! Зачем пришёл-то? Попрощаться?

– Ты правда ничего не знаешь? Вещая Булочка в городе!

– Не может быть! – ахнула я.

– Точно тебе говорю. От верного источника узнал: прибыла час назад, сеанс состоится на заброшенной золоторунной фабрике. Всего одну ночь, к рассвету уедет. Так что давай, пошли. – Он схватил меня за руку и потащил к окну.

– Погоди… – Я уперлась носками в пол. – Я не могу пойти. Меня, между прочим, завтра в жертву приносят. Я должна морально подготовиться.

– Шутишь? Знаешь, чего мне стоило пригласительные достать! – возмутился паж.

– Извини, вот если бы в любой другой день… – Я вздохнула и присела на краешек кровати.

– Да какой ещё другой! – Мика принялся расхаживать по комнате, размахивая руками и пытаясь меня урезонить. – Да в королевствах, что ни день, принцесс драконам отдают. А вот Булочка неизвестно когда в следующий раз приедет.

Я, разумеется, понимала, что он прав.

– Я просто пытаюсь быть послушной дочерью, – сказала я, кротко опустив взор. – Папа запретил мне переступать порог комнаты до завтрашнего утра.

– Так мы же через окно полезем! – обрадовался Мика. – Мы быстро: только туда и сразу обратно. Кстати, ты видела шторки на помосте? Плотные такие, из бархата…

– А знаешь, – я решительно вскочила, – ты прав! В конце концов, у меня даже девичника не было. Магнус, не скучай, мы скоро.

– Значит, бунт? – уточнил Мика.

–Бунт! – подтвердила я и ринулась к окну, но в последний момент замерла.

– Ну, что ещё?

– Мика, я же принцесса, меня узнают. Ещё не хватало погубить свою репутацию накануне церемонии.

– Так поэтому же и взял!

Он поднял с пола шляпку, отряхнул её и нахлобучил мне на голову.

– Вот теперь тебя не узнал бы даже я!

Я посмотрела в зеркало и вынуждена была согласиться: шляпка напоминала покосившуюся печную трубу. Хуже и быть не могло.

– Вот так будет ещё хуже, – сказал Мика и опустил вуалетку, напоминающую застывший кусок пыли.

Он полез первым, чтобы помочь мне спуститься.

– Где ты такую откопал? – спросила я, уже перекидывая ногу через подоконник.

– Моя прабабушка…

– На свадьбу надевала?

– Из печной трубы переделала.

– Осторожно, только за плющ не хватайся, – напомнила я и прошлась на цыпочках по краю карниза. – Ты точно меня

поймаешь?

– Да прыгай уже, ловлю! – сказал Мика, раскрывая объятия.

В терновый куст мы упали, обнявшись.

* * *

В том, чтобы сохранять инкогнито, есть свои минусы. Так, по прибытии, нам пришлось пристроиться в самом хвосте. При обычных обстоятельствах, мне расчищали путь, выкатывали красную дорожку, а поющие девы посыпали её лепестками роз.

– Мы состаримся и умрем, пока дождёмся своей очереди, – ныла я. – И не успеем к утру.

– Перестань капризничать. Осталось всего двести пятнадцать человек.

– Молодые люди, вы не могли бы потише? – шикнул на нас впереди стоящий гном. – Ах, прошу прощения, мадам, не разглядел, что вы его прабабушка.

– Я не…

– Двести четырнадцать человек, – ткнул меня в бок Мика.

– Как ты обращаешься с прабабулей, – проворчала я, потирая ребра и вытягивая шею, чтобы хоть что-то рассмотреть поверх голов.

Внезапно под сводами фабрики прокатился глубокий таинственный голос:

– Вы! Да-да, именно вы, бабуля в ужасной шляпке. По-

дойдите сюда.

Все тут же притихли и обернулись к нам.

– Ну же, иди, – пихнул меня в спину Мика и двинулся следом.

Пока я шла, окружающие недовольно цокали и бросали на меня укоризненные взгляды.

Какая-то фея попыталась было возмутиться, но её тут же вывели из здания два амбала – личная охрана Булочки. Вообще-то официальный псевдоним предсказательницы Вещая Каладрия, но все, кто хоть раз её видел, понимали, что никакая она не Каладрия, а Булочка, и никак иначе.

Вещунья сидела за обычным канцелярским столом, на котором для антуража стояли череп и хрустальный шар.

Как только я присела на стул, нас отгородили занавеской.

– Нет-нет, вы, молодой человек, подождите, пожалуйста, снаружи.

Мика обиженно выпятил губу, но послушался.

– Итак, – деловито повернулась ко мне предсказательница, – протяните ладонь, принцесса.

– Вы знаете, кто я? – изумилась я.

Вещая Булочка фыркнула, откинула назад шикарную копну фальшивых волос и сверкнула глазами. Один у неё был зеленый, второй фиолетовый. В остальном в ней не наблюдалось ничего мистического. Она напоминала нашу дворцовую буфетчицу.

– Мне ведомо многое из того, что за гранью обычного зна-

ния, – сказала она завораживающим голосом. – Ну, а вообще ты спалилась на маскировке. Ты единственная, кто притащился в ней, отсюда любому ясно: важная штучка. Так о чём ты пришла спросить, принцесса?

Я мысленно обрушила цветочный горшок на голову Мики.

– Хочу знать, что меня ждёт завтра.

– Мм…вижу белое одеяние…

– Нельзя ли поподробнее? Там фигурирует фата или белые тапочки?

– Тсс!! Слышу звон кубков, поздравления…

Я заёрзала на стуле.

– А потом…

Я вытянула шею, пытаясь разглядеть то же, что и Булочка. А она склонилась над моей ладонью так низко, что почти касалась её носом.

– Что потом?

– Всё, – объявила она, отстраняясь. – На этом всё. Линия обрывается.

– Что значит обрывается? – похолодела я.

– Деточка, не хочу показаться нетактичной, но завтра тебя должны принести в жертву дракону.

– Нет-нет, – заторопилась я. – Не принести, а *передать*, передать в лапы дракона Якула Кроверуса, повелителя Горы Стенаний и Ужасов.

– Вот и я о том же, – закивала Булочка. – Думаешь, ему

за кротость нрава этот титул присвоили?

– Нет, вы не понимаете, всё это просто досужие сплетни, – залепетала я, чувствуя, как нарастает дрожь в голосе.

Булочка протянула мне платок и попыталась изобразить сочувствие. Вышло, как у хирурга с тридцатилетним стажем.

– Мне жаль, ты очень милая принцесса, – сказала она, ущипнула меня за щечку и гаркнула: – Следующий!

Занавеска тут же с визгом отодвинулась.

– Нет, постойте, – я снова задернула занавеску, – неужели ничего нельзя сделать?

– Боюсь, что нет, – сухо ответила она.

– Поглядите в свой стеклянный шар

– Он, между прочим, хрустальный. И это так, для антуража. Люди чувствуют себя обманутыми, получив всего-навсего верное предсказание без всех этих свечек, таинственных пассов руками и загробного голоса.

– Тогда раскиньте карты.

– Детка, в этом нет нужды, твои ручки всё уже сказали.

– Какая вы…черствая!

– Вот только не нужно сцен, принцесса.

– А знаете…мне тут вспомнился случай, так, отвлеченный, про одну особу, которая, находясь в отчаянном положении, обратилась к некой предсказательнице. И та достала для неё на сером рынке перчатки с новыми линиями жизни. – Я сделала многозначительную паузу. – И с тех пор та особа жила долго и счастливо.

– Я тоже слышала эту историю, – холодно кивнула Булочка. – Вот только, в отличие от клиентки, той предсказательнице не поздоровилось. Кто-то сдал её, шепнув куда надо про нелегальные махинации, и с тех пор путь в королевство ей был заказан. И ей пришлось работать под прикрытием, каждый раз меняя место проведения сеанса через доверенных лиц. И эти помещения, смею заметить, совершенно не соответствовали вещунье её уровня.

Она повела плечами и брезгливо огляделась.

– Как было бы печально, если б история повторилась, – не сдавалась я. – Ну, к примеру, на сеанс могла совершенно случайно забрести одна очень несчастная принцесса (послушная дочь, между прочим), которая не привыкла что-то утаивать от папочки. Как думаете, на этот раз та прорицательница отделалась бы простым лишением лицензии?

Да, знаю, я умею быть гадкой девчонкой, но, сами понимаете, выхода у меня не было.

Булочка вздохнула.

– Ну и ушлые нынче принцессы пошли! Хорошо, скажем так, любые договора имеют лазейку.

Я подалась вперёд, ухватившись за соломинку:

– Пожалуйста, я готова на всё!

– Я это уже поняла. – Булочка раздраженно замахала на следующего посетителя, сунувшегося за занавеску. Тот недовольно покосился на меня и убрал голову.

Из зала уже явственно доносились шепотки и нарастаю-

щий ропот. Я различила: «принцесса» и «папочкины связи».

Предсказательница забарабанила ярко-голубыми ногтями по столу.

– Итак, сделка может состояться лишь в том случае, если соблюдены все условия. Скажи, это ведь стандартный договор по передаче принцессы в лапы дракона, при отсутствии рыцаря-защитника?

Я энергично закивала.

– Отлично. Значит, условий всего два: дракону передаётся невинная особа королевских кровей.

– Поняла! – Я радостно вскочила на ноги, опрокинув табурет. – Хотите сказать, мне нужно найти рыцаря, который бросит вызов Якулу Кроверусу?

– Нет, не это.

Я озадаченно опустилась на стул.

– То есть всё дело в моей королевской крови? Но я не могу перестать быть принцессой…

– И почему людям вечно нужно всё усложнять, – поморщилась Булочка. – Дракону нужна *невинная* дева королевских кровей, смекаешь?

Смекала я минут пять, а потом снова вскочила со стула, красная и пыхтящая, как печная труба. Шляпка на моей голове получила вторую жизнь.

– Значит, я…вы предлагаете, чтобы я…

– Не нужно так волноваться, принцесса. Я ничего не предлагаю. Я лишь ответила на твой вопрос, а выводы делай уже

сама.

– Но я так не могу, – взмолилась я. – А как же Тот Самый, единственный и на всю жизнь? Да мне и не найти никого до утра…

– Я могу! – ввалился за перегородку Мика. – Я готов спасти принцессу! – заявил он, и вид у него при этом был ужасно благородный.

– Что-то ты не слишком торопился, когда обсуждали поединок с драконом, – отрезала я и задернула занавеску. – Есть другие варианты?

– Мы не на базаре, принцесса. И где вас только учат быть такими разборчивыми?

– Нигде, это врожденное, – уныло пояснила я и тут же встрепенулась. – Но ведь каждой девушке, неважно, принцесса она или нет, полагается её Суженый, верно?

– Естественно, – передёрнула плечами Булочка. – Это бы тебе любая гадалка сказала.

– А где мне его найти?! – загорелась я, готовая перевернуть за ночь всё королевство и даже разбудить Суженого, если потребуется.

– Детка, знай я ответы на такие вопросы, думаешь, сидела бы здесь?

Она обвела неприязненным взором своды, с которых капала вода.

– То есть, хотите сказать, что ничем не можете мне помочь? – Я почти пала духом.

– Я этого не говорила. Я лишь сказала, что не знаю, кто твой Суженый, и где он. Найти его ты должна сама, как и любая другая дева. Если хочешь, могу испросить у Высших Сил подсказки, но остальное за тобой. Запомни, принцесса, никто не станет выполнять твою работу за тебя.

– Тогда скорее испрашивайте!

Сдержанный шум в зале стремительно перерастал в возмущенный гул. Мика за занавеской беспокойно переминался с ноги на ногу.

– Поторопитесь! – шепнул он.

Булочка тоже явно нервничала. Она сделала несколько пассов над хрустальным шаром, и в нём заклубился молочный туман.

– Вы же сказали, что он для антуража?

Она бросила на меня недовольный взгляд и прогремела глубоким грудным голосом, идущим из самых недр:

– Внимай же, дева! – Её глаза сверкнули, и в них отразились две хрустальных луны. – Своего Суженого ты узнаешь по трём приметам: золотому сиянию на груди…

– Так, сияние. – Я схватила со стола перьевую ручку и быстро записала первую примету на ладошке.

– …темной метке в неустановленном месте…

– Ага, темная метка…постойте, что значит темная метка? Только не говорите, что мой Суженый какой-нибудь там Темный Лорд!

Она вскинула руку, предупреждая возражения.

– …иии…

– Иии? – Я вытянула шею.

И тут под сводами зала раздался и повис крик:

– Легавые!! Это облава!!

Со всех сторон послышались вопли, визги, топот бегущих ног, лап и копыт.

– Скорее, третье!

Она вскинула на меня совершенно черные глаза и прохрипела:

– У него аллергия на фисташки.

– Что??

Её глаза снова стали обычными.

– На этом всё. Погоди! – Она порылась в столе и быстро всучила мне грязный свечной огарок. – Это бонус, за твоё молчание. Подумай о своём Суженом, зажги свечу и окажешься так близко к нему, как только возможно. Удачи тебе, принцесса!

В этот момент Мика ввалился в закуток, схватил меня за руку и выволок наружу. Уже в дверях я обернулась и успела увидеть, как охрана выводит Булочку через черный ход. Мы бежали всю дорогу до замка, а над головами кружили охотничьи соколы с магическими мигалками.

На подходе к башне пришлось нырнуть в подворотню, чтобы переждать патруль.

– Надуй щеки посильнее, и тогда точно сойдёшь за фугу. Неужто обижаешься, что не успел задать свой вопрос?

– Значит, как паж, так сразу Мика, а, как Суженый – только принца подавай!

Патруль промчался мимо, и паж, не оборачиваясь, двинулся к замку.

– С чего ты взял, что это будет именно принц? Ну, Мика, ты ведь мой друг! К тому же, у тебя нет золотого сияния, темной метки, а аллергия на клубнику, а не на фисташки.

– Лучше просто скажи: всё потому, что я твой паж и на два года младше.

– Не говори ерунды! И что такого в том, чтобы быть принцем? Да сейчас любой может им стать, было бы желание!

– И я?!

– И ты.

– А как?

Тут я задумалась:

– Ну, к примеру, тебя может проклясть ведьма. Скажет: чтоб те принцем стать!

Мы остановились у подножия башни.

– Гм, да, это возможно… – Мика потёр подбородок, улыбнулся и подсадил меня. Я принялась карабкаться наверх.

– Ты ведь понимаешь, что это значит? – спросила я через плечо.

– Я паж, а не дурак, – пробурчал он, пыхтя сзади. – Тебе придётся бежать из замка, чтобы отыскать этого своего Суженого.

– Мика, мне и самой не хотелось бы совершать ничего по-

добного, но только так я смогу раз и навсегда избавиться от притязаний Якула Кроверуса, оставшись при этом честной принцессой.

Мы ввалились в комнату, разбудив и перепугав Магнуса. Он забегал по клетке.

– И как ты собираешься решать проблему? – спросил Мика, отряхивая колени. – На свете тьма-тьмущая королевств, с какого начать?

– Это поможет. – Я раскрыла ладонь и показала ему огарок. – Булочка сказала, что достаточно подумать о назначенном судьбой, зажечь свечу, и я окажусь рядом с ним…вернее, близко от него, хм, или недалеко…

Тут пришлось на время умолкнуть, потому что в коридоре послышался смех и нестройное пение. Стража возвращалась с турнира.

Когда всё стихло, я повернулась к Мике:

– Я пока сбегаю на кухню, захвачу чего-нибудь перекусить в дорогу, а ты подготовь мой дорожный сундучок и Магнуса.

С кухни я прихватила головку сыра, овсяных лепешек и, подумав, связку баранок. В узелок они уже не уместились, пришлось повесить на шею.

Когда я вернулась, мой багаж был уже собран, а Мика сидел на кровати с Магнусом в руках. Услышав шаги, паж поднял голову:

– Я его покормил, – сказал он и снова опустил голову. Я присела рядышком и тронула его за плечо:

– Мика, я ведь не навсегда, и скоро вернусь.

– Угу.

– Может, ещё до пробуждения папы, уже с Суженым… Ну, хочешь, я никуда не поеду? Останусь тут…

– Нет уж! – Он вскочил на ноги, шмыгнул носом и, порывшись в кармане, достал массивный рубин на цепочке. – Держи, это тебе, на удачу.

– Откуда ты его взял? Ой, а это случайно не «Рубин фортуны» из папиной короны?

– Вообще-то он, – признался Мика. – Я предполагал, что нечто подобное тебе скоро понадобится, вот и подготовился. Подумал, поскольку вы одна семья, это не кража. Я ведь правильно рассудил? – Он беспокойно заглянул мне в глаза.

– Конечно, спасибо! – Я крепко обняла его. – И дырочка для цепочки совсем крошечная, думаю, папа даже ничего не заметит.

Камень был чуть теплым на ощупь и даже как будто слегка пульсировал.

Мика отстранился и оглядел меня:

– Свободных рук и даже шеи у тебя нет, так что предлагаю отдать его на хранение Магнусу.

– Как ты собираешься это сделать? Рубин слишком тяжелый для него.

– А вот так. – Мика пристроил Магнуса на ладони и поводил над ним рукой. Из его пальцев вырвались какие-то серебристо-зеленые струи и протянулись к пауку, окутав того

плотной мерцающей дымкой.

– Что это?!

– Спокойно, я знаю, что делаю. Это заклинание распухания, мы всего лишь слегка его увеличим.

– Где ты такому научился?

– Пришлось. Меня в детстве каждое лето к бабушке отправляли, так она вечно ругалась, что такой тощий. Вот и пришлось освоить, чтоб меньше волновалась.

– Я как-то не замечала в тебе изменений…

– А я, по возвращении, пользовался обратным заклинанием, утончения, – пояснил паж.

Тут раздался хлопок, завеса резко рассеялась, и мы увидели, что на его ладони сидит паук размером с котенка. На спинке у него красовалось сердечко.

Сначала завопил Мика, потом я, а последним закричал Магнус. Из всех нас паук оказался самым выдержанным:

– Хватит уже, – заявил он шелестящим голосом и потер всеми лапками голову, – если заметили, пострадавшая сторона здесь я.

От неожиданности я перестала визжать.

– Ты что, умеешь говорить?

– Ну, разумеется. Все пауки умеют. Просто люди слишком большие, чтобы нас слышать.

– То есть…всё это время ты прекрасно меня понимал?..

И тут мне вспомнились часы задушевных бесед с пауком, когда я думала, что просто рассуждаю вслух:

Про преимущества лифов с подкладками.

Про совсем не королевские веснушки.

Про бицепсы нового папиного стражника.

Про…

– Магнус, как ты мог! – выдохнула я.

– Как *я* мог?! – оскорбился паук. – А представляешь, каково было мне? Мне досталась самая болтливая принцесса на свете. При этом я был заперт в клетке, и никто не слышал моих криков о помощи, когда ты перечисляла сто и один способ сведения веснушек и описывала вплоть до последнего кружавчика наряды всех семи дочерей первого советника и… – Тут он осёкся, заметив в отражении несолидную отметину на спинке.

– Что это?

Мика виновато молчал.

– Что это, я вас спрашиваю?!

– Ну, я раньше никогда не испытывал заклинание распухания на пауках…

– Требую немедленно снять позорное клеймо!

– Я… не могу, – признался паж. – Это единственное заклинание, которое я знаю. Но ты всегда сможешь сказать, что это не сердечко, а боевая пика, для устрашения врагов!

Магнус издал вопль отчаяния и, по всей видимости, собирался наглядно втолковать Мике, что такое устрашение, но тут за окном пропел королевский петух. Небо начало окрашиваться в мягко-лиловый цвет.

– Магнус, – взмолилась я, – у нас нет времени на споры! Ты ведь всё слышал и знаешь о моей проблеме. Скажи, ты согласен отправиться со мной на поиски?

Паук молчал, поджав волоски, а я вдруг поняла, что не представляю себе это путешествие без него. Магнус был со мной с самого детства.

– Куда я денусь, – наконец проворчал он. – Я ведь в курсе, что случается с пауками, которые слишком много знали…

– Спасибо, Магнус, ты чудо!

– Всё, пора, – заторопился Мика и надел на продолжавшего бурчать паука цепочку с рубином, как ошейник, обернув её несколько раз. Он хотел вернуть его в клетку, но та теперь была слишком тесной для Магнуса, поэтому я посадила его на запястье, а узелок с едой и сундучок зажала под мышкой. В правую руку взяла огарок.

– Всё, я готова, – объявила я.

Мика кивнул, вздохнул и чиркнул огнивом. Я зажмурилась.

Странно, я-то думала, что хоть что-то почувствую, ну, там земля уйдёт из-под ног, или раздастся гул, меня подхватит торнадо. Ничего такого не произошло. Зато чирканье не прекратилось. Я разлепила веки и увидела, что Мика по-прежнему стоит напротив, усердно пытаясь высечь искру.

– Дай-ка сюда.

Я забрала у него огниво и тоже попыталась. Ничего не вышло.

– Может, кремень отсырел? – с сомнением протянул паж.

– Пряха, дай мне сил! – раздраженно закатил все восемь глаз Магнус, а потом выхватил у меня огниво и звонко высек искру, вспыхнувшую ослепительной звездочкой. На этот раз зажмуриться я не успела, поэтому прекрасно разглядела сверкающий вихрь с лазурными всполохами, оторвавший меня от пола. Магнус браслетом вцепился в запястье. Лицо Мики ещё какое-то время вертелось у меня перед глазами, я видела, как шевелятся его губы, но слов не слышала.

А потом всё резко закончилось, и меня швырнуло на землю, вернее, на мостовую. Рядом приземлились узелок и сундучок. Последний от удара раскрылся.

Со всех сторон понеслись охи и ахи:

– Вы только поглядите!

– Как неприлично…

– А с виду ведь порядочная девушка.

– Все они с виду такие.

Я подняла голову и обнаружила, что лежу посреди проезжей части, и, судя по положению солнца, сейчас самый разгар дня. Улица была мне незнакома, а на зданиях развевались флаги другого королевства с изображением спирали бесконечности. Все вокруг суетились и куда-то спешили. По правую руку виднелась какая-то площадь, а по левую выстроились солидного вида особняки, какие бывают на центральных улицах: с портиками, колоннами и высокими ступенями. Между ними тут и там втиснулись многочисленные

конторы и трактиры. Прямо за этими зданиями начинались жилые кварталы. Море крыш уходило к самому горизонту: островерхие, покатые, плоские, деревянные, черепичные, с башенками, шпилями, резными флюгерами. Они буквально налезали друг на друга и соревновались в затейливости.

– Магнус, где мы?

– Мне бы пару-тройку мушек, а там, глядишь, и соображу…

Его глаза всё ещё осоловело вертелись.

В следующую секунду меня чуть не сбила телега с гномами, которые везли самоцветы из шахты. Я едва успела увернуться. Сундучок так и остался лежать на дороге. Я сделала шаг к нему и снова отскочила, потому что перед носом пронеслась почтовая карета. Возница зыркнул на меня и погрозил кнутом. Я предприняла ещё несколько попыток забрать свои вещи. Все неудачные.

– В нашем королевстве даже на главной улице нет такого оживленного движения! Я уже скучаю по дому, Магнус, – пожаловалась я.

– Это случайно не ваше?

Мне в руки сунули сундучок и узелок. Я подняла глаза и поняла, что мои странствия окончены, ибо предо мной стоял юноша, и в груди его сияло солнце.

Глава 2

в которой я заключаю сделку и становлюсь нелегальной студенткой

Пока я стояла, пытаясь собраться с мыслями, он одарил меня рассеянной улыбкой и нырнул в ближайшую таверну под скрипучей вывеской «Наглая куропатка».

– Мой Суженый…что мне делать, Магнус?

– Исходя из логики, следовать за ним. И вообще, почему ты меня всё время спрашиваешь? Я паук, а не нянька.

– Да-да, ты прав, – забормотала я и вдруг смутилась, представив, как буду объяснять незнакомому юноше свою проблему. Он расплывётся в ухмылке, аж кудри залоснятся от самодовольства, окинет меня оценивающим взглядом и скажет: «Дракон, значит? Успеть к утру? Ну, так ко мне ещё никто не подкатывал!».

Я тряхнула головой, прогоняя видение, покрепче сжала ручку сундука и решительно направилась ко входу в таверну.

Внутри, несмотря на разгар рабочего дня, тоже было многолюдно. Вернее, людей сидело всего несколько, зато было полно орков и троллей, и вели себя они очень шумно, обсуждая последние новости: налёт на алмазную шахту.

Объект пристроился у окна, разложив перед собой какие-то листки и запустив пятерню в волосы. Пальцы были перепачканы чернилами, поэтому золотистые локоны приобрели пикантное синеватое мелирование. На его лице отображалась крайняя степень отчаяния, видимо, связанного с

лежащими перед ним свитками.

Я разместилась в уголке, наискосок, в трёх столах от него.

– Чего нада?

На стол передо мной шмякнулось меню, придавив муху, на которую уже нацелился Магнус.

Я подняла глаза. Никогда не понимала хозяев, которые нанимают в раздатчицы гоблинш. Вот я согласна с папой, что на эту роль лучше всего подходят феи и нимфы. Он всегда велит нашему распорядителю торжеств нанимать для обслуживания званых обедов именно их.

Конечно, перегибать палку тоже не стоит. Так, в прошлом году у нас в королевстве разразился жуткий скандал, когда выяснилось, что хозяин одного популярного трактира выдавал сирен за нимф. Клиенты всякий раз уходили, раскошелившись на куда большую сумму, чем рассчитывали, и ещё извинялись, что захватили так мало денег. А уж чаевым завидовали даже леприконы. Рудокопы так и вовсе могли подкинуть девочкам пару-тройку алмазов. Работал бы хозяин по-тихому, и трактир процветал бы по сей день, так нет же, людям всегда мало. Всё вскрылось, когда клиенты начали поголовно испытывать волчий голод и приходить к мысли, что лучший способ его утолить – это заказать пару-тройку лобстеров и заморскую баклажанную икру, которую у нас отмеряли, насыпая на другую чашу весов золотые песок.

– Так чего вам? – настаивала девица.

Я поспешно раскрыла меню.

– Безалкогольный сидр и тыквенный десерт, пожалуйста.

– Будет сделано, Золушка.

Девица хмыкнула и забрала у меня меню, лишив прикрытия, из-за которого очень удобно было наблюдать за юношей. Впрочем, маскировка оказалась даже лишней – он и так не замечал ничего вокруг, полностью погруженный в своё занятие: царапал что-то на клочке пергамента, задумчиво рассматривал его, потом в отчаянии комкал, отправлял в урну и хватался за следующий.

Я пригляделась: симпатичный. Ну, не то что бы мой идеал – слегка долговязый и нескладный – зато сразу видно: юноша воспитанный и образованный. И глаза красивые, оливково-зеленые (я ещё на дороге рассмотрела). С солнцем в груди я погорячилась – сияние распространяла вышитая на лацкане темно-синего сюртука эмблема в виде пышного загнутого пера в окружении звездочек. Очень романтично, между прочим. Там ещё внизу было что-то подписано меленькими буковками, но разглядеть с моего места не получалось.

В полной мере шутку раздатчицы я оценила, когда принесли мой заказ. Повар подошёл к делу с фантазией: десерт был выполнен в виде миниатюрной кареты-тыковки, с золотистыми узорами по бокам, которую тянула шестёрка марципановых зайчиков. Есть её полагалось ложкой-кучером.

– Ну, идёшь или как? – поторопил Магнус. – Поверь моему опыту, сейчас идеальный момент: жертва одна и беззащитна.

– Иду.

Я решительно отставила десерт и поднялась со своего места.

– Только баранки сними.

– Ах да.

Когда до юноши оставалось пару шагов, он вдруг повернулся в мою сторону, и я, запаниковав, опустилась за соседний столик.

– Девушка, вы не встанете с моих колен?

– Ох, простите! – Я поспешно вскочила с гнома, которого чуть не раздавила.

– Кто это, Рудольфо? – спросила сидевшая напротив него гномка недовольным голосом. Как правило, женщин и мужчин гномов трудно отличить. Даже борода не всегда служит опознавательным знаком. Но эта дама оказалась весьма симпатичной. Хотя выбор сделала в пользу традиционно мужской профессии: к ридикюлю была привязана кирка.

– Понятия не имею, Гортензия! Впервые её вижу.

– Не лги мне, Рудольфо! Опять ты за старое!

Она влепила ему пощечину, схватила ридикюль и, рыдая, бросилась к выходу.

– Постой, ты всё неправильно поняла!

Я сразу почувствовала себя виноватой и решила позже отыскать Гортензию, чтобы всё ей объяснить. Но тут Рудольфо обернулся, окинул меня масляным взглядом и, игриво подмигнув, выскочил вслед за своей дамой. Чувство вины

как рукой сняло.

Я глубоко вздохнула и, сделав последний шаг, встала напротив юноши.

Кашлянула. Хмыкнула. Шаркнула ногой. Не помогло – он даже не заметил.

И только когда моя тень упала на свиток, рассеянно поднял глаза.

– Привет.

– Привет… а, это вы. Что-то хотели спросить?

– Да, эээ…у вас есть аллергия на фисташки?

С минуту он недоуменно смотрел на меня, а потом вежливо спросил:

– А что такое фисташки?

– Ну, как же… такой сорт орехов, знаете?

– Не знаю, – честно признался он.

– То есть не знаете, что такое орехи?

– Что такое орехи знаю, – пояснил он. – Но никогда не слышал про фисташки.

– Не может быть!

Юноша пожал плечами.

– А про грецкие орехи слышали?

– Конечно.

– И про арахис?

– Разумеется.

– Пекан, макадамия, кедровые?

Он кивал как фарфоровый болванчик.

– Фисташки? – сделала новый заход я.

– Нет. – Он решительно помотал головой. – У нас в королевстве таких нет.

Это был удар. О чем я не подумала, убегая из замка, так это прихватить с собой кулек с тестовыми образцами.

Потом мне пришло в голову, что здесь они могут называться по-другому. Я подробнейшим образом описала ему их.

– А некоторые трещинки не раскрываются? – уточнил он. – Какие своенравные орехи! Хорошо, что у нас их нет. А сейчас прошу меня извинить: дела. – Он вернул на лицо отчаяние, запустил пальцы в волосы и тут же забыл о моём существовании.

Всё шло не по плану, но отступать я не намеревалась, ведь на моей стороне были знаки: свеча перенесла сюда, да и та же эмблема на груди… Я рассеянно поправила Магнуса («Эй, я тебе не браслет!») и заглянула в листки, над которыми корпел юноша. Все они оказались исписаны одним и тем же весьма простым четверостишием, в котором для полной завершенности не хватало одного слова.

– Может, «гроза»? – предложила я.

– А? – Он задумчиво поднял голову, а в следующий миг вскочил в полном восторге, потрясая свитками. – «Гроза», ну, конечно, «гроза»! – восклицал он.

– Ну, со словом «лоза» ещё рифмуются «егоза», «слеза», «органза»…

– Нет-нет, «гроза» идеально подходит, – перебил он. – «Гроза» – это то, что нужно! Как мне вас отблагодарить? Ох, что же это я, присаживайтесь, пожалуйста.

Он неловко, но всё равно очень мило придвинул мне стул и уселся напротив.

Замечательно. Ещё и галантный. Удовлетворит мою просьбу хотя бы из вежливости.

– Вообще-то у нас не положено пересаживаться.

Я подняла глаза и снова уперлась в кислую физиономию. Может, я ошиблась, и это не гоблинша, а джинн?

– Девушка со мной, – поспешил ответить Суженый, не подозревая, насколько близок к истине, а потом сходил к моему столику. Вернулся он уже с сундучком и узелком и поставил передо мной десерт.

– Кстати, я Озриэль.

Я пожала протянутую руку:

– Оли… Ливи. Очень приятно. И можно на «ты».

– Ливи? Прям как ту принцессу, которая сбежала от дракона. Сегодня в «Затерянных ведомостях» писали.

А папа времени не терял! Небось, уже и боевых гарпий на уши, вернее, крылья, поставил, и те прочесывают все близлежащие королевства. Кстати, я даже не знала, как далеко от дома нахожусь.

– Нет. Совсем не так, – сухо ответила я. – Ту зовут Оливия.

– А разве «Ливи» не сокращенно от «Оливия»?

– На этот счет есть разные мнения. – Нужно было срочно увести его от опасной темы, поэтому я кивнула на листки. – Так что это у тебя? Ты придворный поэт?

– Ну что ты! – Юноша аж покраснел. – Совсем нет, и, признаться, мне это не светит. У меня недопоэзит. В тяжелой форме, – вздохнул он.

Понятия не имею, что это, но я бы, на его месте, не стала расстраиваться от отсутствия чего бы то ни было с таким неприличным названием.

– Полная неспособность к стихосложению, – пояснил он, заметив мой взгляд. – Не смогу поймать рифму, даже если она будет танцевать на кончике моего носа. Разве что кто-то подскажет, ну вот как ты.

– Тогда зачем ты это делаешь?

– Не удовольствия ради, токмо по воле профессора-изувера.

Он говорил что-то ещё, но я уже не слышала, потому что в этот момент входная дверь снова распахнулась, и в зал, шумно переговариваясь, вошла группа молодых людей. Все они были одеты в сюртуки, похожие на тот, что был на Озриэле, и на груди у каждого красовалась золотистая эмблема, только в виде лавровой ветви.

Мир покачнулся.

– Что с тобой? Тебе плохо? – Озриэль тут же потянулся налить мне воды из графина, опрокинул его, залил листки, попытался вытереть их испачканным чернилами платком и

тем самым довершил катастрофу. – А, ладно, всё равно это черновики!

Он слепил их в один склизкий ком и кинул в урну.

– Кто они? – хрипло спросила я.

– Тоже студенты, – пожал плечами он.

– Тоже?

Озриэль бросил на меня недоуменный взгляд:

– Ну, мы учимся в одной академии.

Он щелкнул по своему значку, под которым я на этот раз различила буквы «Ф. Р.Р.».

– Фрр? – удивилась я.

– Не «фрр», а «Эф-Эр-Эр», – поправил он и тут же, покраснев, выпалил: – «Факультет ранимых романтиков».

– Значит, вы учитесь вместе?

– Эмм, не совсем.

Молодые люди меж тем вальяжно устроились за одним из центральных столов, продолжая громкую беседу. Другие посетители недовольно косились на них. Озриэль небрежно разгладил складочку на сюртуке:

– Эти с факультета доблестных защитников.

– А что за академия?

Он вздохнул – видимо, ответ на этот вопрос я пропустила, засмотревшись на вошедших. Но меня вполне можно понять: круг потенциальных суженых внезапно расширился от Озриэля до мужской половины целой академии.

– Академия Принсфорд. Выпускает лицензированных

принцев.

– То есть она…целиком мужская?

– Да. И единственная в своём роде, между прочим. К нам приезжают поступать даже из других королевств.

Надо будет рассказать Мике, его эта новость порадует.

– И далеко она отсюда?

– Да нет, на площади, через дорогу. Неужели ты никогда о ней не слышала?

– Я не местная. Совсем, – пояснила я. – Приехала всего полчаса назад. Кстати, как называется ваше королевство?

– Затерянное королевство, – огорошенно сообщил он. – А мы сейчас находимся в его столице – Потерии. То есть ты не знала этого, когда ехала сюда?

Я помотала головой.

– Но сюда можно попасть только двумя способами: случайно, то есть, заблудившись, или по приглашению – например, как студенты Принсфорда. Намеренно Затерянное королевство не найти, его нет на картах.

– Это было в некотором роде приглашение, – уклонилась я.

– Ливи, не сочти за бестактность, но…зачем ты здесь?

И я рассказала ему всю правду. Ну, почти всю.

– Какая мстительная колдунья! – воскликнул он, когда я закончила.

– И не говори, – вздохнула я.

– А все потому, что ты отказалась перевести её через до-

рогу…

Я опустила глаза:

– Некоторые люди очень злопамятны.

– Но зато ты успела спасти из-под колес кареты того щенка. У тебя доброе сердце. – Он накрыл мою руку своей.

– Любой на моём месте сделал бы то же самое.

– И это же надо такое придумать: забросить твоего жениха в Затерянное королевство, полностью стерев воспоминания о вас. И всё это в день свадьбы!

– Да, это было ужасно.

– Ему-то что, он ничего не помнит! Представляю, каково тебе. – Озриэль сочувственно пожал мою руку. – Так сколько, говоришь, прошло времени?

В таких ситуациях точность – враг отходных путей, поэтому я остановилась на нейтральном варианте:

– Даже минута вдали от моего ненаглядного – уже вечность! Но не всё так плохо. Мою память колдунья тоже здорово подправила (внешность любимого и то за пеленой тумана), однако три приметы я всё-таки запомнила. И первая явно указывает на кого-то из академии. – Я кивнула на эмблему на груди Озриэля, и он рассеянно погладил её, обводя пальцем завитки на перышке.

– Хм, Ливи, я тут подумал: если твой Суженый ничего не помнит о тебе, значит, им может оказаться кто угодно, верно?

– Абсолютно.

– Мм, то есть это могу быть даже я?

– У тебя нет темной метки, – напомнила я.

– Ах, да-да, – спохватился Озриэль и задумчиво пересчитал свои родинки.

– Но мне жаль, что это не ты.

Я говорила вполне искренне. Озриэль был очень милым молодым человеком. К тому же, тогда я смогла бы уже сегодня вернуться домой.

– А вдруг под эти критерии подпадут сразу несколько кандидатов?

Об этом я как-то не подумала.

– Уверена, я узнаю среди них своего нареченного, – уверенно ответила я. – Говорят, назначенные судьбой чувствуют друг друга. Главное, не пропустить Знак.

– Да, я тоже про это слышал. Папа рассказывал, что, встретив маму, почувствовал щекотание в носу, и оно прекратилось, только когда они поженились.

У меня в голове начал созревать план.

– Озриэль, я тут подумала: ты, наверняка, знаешь всех студентов Принсфорда?

– Ну…

– И мог бы меня с ними познакомить. Начиная с этих! – Я бодро кивнула на стол, за которым расположились молодые люди.

Озриэль вымученно улыбнулся:

– Боюсь, ээ… тут возникнут некоторые сложности.

– Какие?

– Видишь ли, есть некоторые студенты, в частности, с факультета доблестных защитников, которые могут посчитать ниже своего достоинства общаться с учащимися других факультетов, к примеру…

– …ранимых романтиков?

– Да.

– Но почему?

– В определенных кругах мой факультет считается, гм… не слишком престижным.

– В определенных?

– Вообще-то во всех, – вздохнул Озриэль. – Врагу не пожелаю на нём учиться. Все эти прославляющие поэмы, теории правильного ухаживания, сочинение волшебных од и бесконечные списки слезливых романов для воспитания чувствительности.

Мой взгляд упал на томик в ярко-розовой обложке, торчащей из его рюкзака.

– «Неукротимая Кристабэлла: ты моё заклятие». Вам задают это читать? – изумилась я.

– Тише, – он беспокойно заозирался, – нас могут услышать. Да, по психологии – чтобы лучше разбираться в хитросплетениях женской души. Но давай об этом не здесь.

– Хм, ладно. – Я снова глянула на центральный стол. – Тогда ты не знаешь того, кто мог бы меня с ними познакомить?

– Пожалуй, есть один на примете…но, Ливи, не думаю,

что действовать следует именно так.

– Что ты имеешь в виду?

– Как ты себе это представляешь: мы будем знакомить тебя с каждым учащимися, а ты – рассказывать ему о себе и проверять, не он ли Суженый?

– Ну да. Можно ещё собрать всех в одну залу. Так выйдет быстрее.

Озриэль приосанился и сразу стал похож на моего учителя придворного этикета.

– Видишь ли…

Тот тоже всегда начинал издалека.

– …мужчины, неважно принцы они или нет, существа довольно хрупкие. И потому могут немножко, как бы это выразиться…испугаться

– Испугаться? Но я ведь назначена им судьбой! – запротестовала я. – Вернее, одному из них.

– Всё это так, – мягко заметил Озриэль. – Но многие (не все, конечно) могут…мм… запаниковать, встретив свою Судьбу так внезапно. Пусть и в лице такой очаровательной девушки, как ты.

Поразмыслив, я была вынуждена признать, что он прав.

– И что ты предлагаешь?

– Предлагаю действовать более деликатно и раскрывать все карты, лишь убедившись, что перед тобой именно тот, кто нужно.

– То есть действовать тайно?

– Именно. – Он потёр руки. – Знаешь, кажется, у меня разыгрался аппетит сыщика!

– Кстати, об аппетите, – подал голос Магнус. – У меня уже в обоих желудках урчит.

Пару секунд Озриэль растерянно моргал, уставившись на паука, а потом взвизгнул:

– Он такой…жирный!

– Прошу прощения?! – Магнус от возмущения выпустил ворсинки.

– А это что…сердечко?

– Пика. И он вовсе не жирный, – поспешила восстановить мир я. – Просто паук в теле.

– Атлетически сложенный. А совсем недавно был очень даже стройным пауком, – сопел Магнус.

– У которого совсем скоро снова получится таким стать, – вставила я.

– К слову о тех, у кого всё получается…

Озриэль смотрел на кого-то за моей спиной, и я обернулась. К нашему столику уверенным шагом приближался коротко стриженый юноша. Он был одет в черный кожаный камзол с двумя рядами медных пуговиц и сапоги на толстой подошве, за плечами покачивалась рок-мандолина. Когда он повернулся, чтобы кого-то поприветствовать, я увидела выбритую на затылке корону. Пижон.

Новоприбывший подсёл за наш столик и хлопнул Озриэля по плечу.

– Здорово, Эль, познакомишь меня со своей подругой?

– Привет! – Озриэль расцвел в добродушной улыбке и повернулся ко мне. – Позволь представить, мой друг и однокурсник, Индрик. Индрик, эту милую девушку зовут Ливи.

– Совсем как ту принцессу, сбежавшую от дракона.

– Нет, – отрезала я. – Ту зовут Оливия.

– А разве это не…

– У тебя есть аллергия на фисташки? – перебила я.

– А что такое фисташки?

Я чуть не взвыла.

– Ливи только сегодня приехала из другого королевства, – поспешил вмешаться Озриэль. – У неё здесь важное дело. А ты вернёшься на занятия после перерыва?

– Не, я отпросился на остаток дня. У нас скоро репетиция. – Индрик похлопал по инструменту. – Просто заскочил перекусить.

Он огляделся в поисках раздатчицы и тут заметил мою десертную тыковку.

– Надеюсь, Золушка успела из неё выбраться, но рисковать не буду, – подмигнул он, схватил одного из марципановых зайчиков и отгрыз половину.

Я хотела возмутиться, но вместо этого вдруг расплылась в ответной улыбке и протянула ему второго:

– На этом глазури побольше.

Отказываться Индрик не стал. На четвертом по счету рядом материализовалась сияющая раздатчица:

– Тебе как обычно, Рикки?

– Угу, только мне с собой, я тороплюсь.

– Будет сделано.

На запястье снова шевельнулся Магнус.

– А мне, пожалуйста, argema mittrei или papilio maackii – что будет в наличии. Ну, на крайний случай, chrysis ignita. Усики средней прожарки, и украсьте веточкой мяты.

– Пауков не обслуживаем, – отрезала гоблинша.

– Брось, Уинни, – сверкнул улыбкой Индрик. – Уверен тут можно что-нибудь придумать! Старик едва успел отряхнуть дорожную пыль, ему нужно заморить червячка.

Я взглянула на раздатчицу и вдруг поняла, с каким выражением только что скармливала Индрику марципановых зайчиков.

– Конечно, это против правил… – заколебалась та.

Юноша включил всё своё обаяние, и, признаться, рикошетило даже на меня:

– Ну же, Уинни, ради меня!

У гоблинши не было шансов. Она вздохнула и сдалась:

– Кажется, у нас ещё оставалась крыжовниковая тля и парочка хлебных клопов.

Магнус аж скривился от подобного унижения, но промолчал – видимо, и впрямь проголодался.

– Я знал, что на тебя можно рассчитывать!

– Ещё что-нибудь? – проворковала раздатчица.

Индрик взглянул на нас с Озриэлем. Мы помотали голо-

вами.

– Нет, только это.

– Сейчас принесу.

– Ты настоящее сокровище!

Сокровище залилось нежно-зеленым румянцем и отправилось за заказом.

– И не забудьте про веточку мяты! – крикнул вдогонку Магнус.

Уинни зыркнула на него и исчезла в подсобке.

– Что это только что было?

– Где было что? – переспросил Индрик, приговаривая последнего зайчика.

В голосе прозвучало искреннее недоумение.

– Я хотела сказать, что…

– Ты отличный парень! – перебил Магнус.

– Взаимно, старик, дай пять! Кстати, клевая татушка. Это боевая пика?

Паук аж засветился от удовольствия:

– Она самая.

И Магнус туда же! И как у Индрика получается всем нравиться, будучи при этом таким нахалом?

– Так тебя привело в наше королевство какое-то дело? – осведомился он.

– Да.

– Может, чем помочь?

– Спасибо, но это дело личного свойства. И мне уже по-

могает Озриэль.

– Кстати, ты сделал на завтра задание по поэтике? – встрял тот.

– Неа, гляну перед занятием. – Индрик снова повернулся ко мне. – Не обижайся, что сравнил тебя с той беглянкой. Ты совсем не похожа на принцессу.

– Почему это не похожа?!

– Ну, все они одинаковые: капризные и изнеженные.

Я возмущенно вскочила на ноги, сжимая кулаки:

– Нет, не все!

Оба юноши удивленно воззрились на меня:

– А тебе-то откуда знать?

– Я…ээ, работала служанкой в замке, у одной юной, но невероятно умной и обаятельной принцессы, с прекрасным чувством юмора, к тому же.

Я ведь решила даже Озриэлю не рассказывать, кто я. Чем меньше народа об этом знает, тем лучше.

– Значит, тебе повезло, – хмыкнул Индрик. – Встреть я такую, ни секунды не раздумывал бы.

– Возможно, раздумывала бы она, – холодно заметила я.

– Ну и зря. – Он снова сверкнул улыбкой.

Тут вернулась Уинни и положила перед Магнусом заказ (он так обрадовался, что даже не стал жаловаться на отсутствие мяты и неподходящую тару в виде лопуха), а Индрику протянула бумажный пакет:

– Сэндвич с тунцом, арахисовой пастой и кукурузой, всё

как ты любишь.

Он поцеловал её в щеку и сунул в передник монету:

– Ррр, так бы и съел тебя!

Уинни хихикнула.

– Ну, я побежал. До встречи, Озриэль. Ливи, удачи в твоём личном деле!

Магнусу он просто отсалютовал. Когда дверь за ним закрылась, Уинни потеряла к нам всякий интерес и вернулась в общий зал.

Озриэль правильно истолковал мой взгляд.

– Просто Индрик из тех, кому всё удаётся. Понимаешь, без усилий, само-собой – за что бы ни взялся. Есть такие парни.

– Но он учится вместе с тобой? – уточнила я.

– Да, но в его случае это не играет никакой роли. Он мог бы учиться на любом факультете, если б захотел. По баллам он прошёл на все. Ты же видела, какой он обаятельный. Преподавательницы чуть не передрались, решая, в чью группу он пойдёт. А ведь госпоже Марбис восемьдесят два…

– Тогда почему он выбрал ваш факультет? Прости, Озриэль…

– Да нет, я всё понимаю. Сам он отговаривается природной ранимостью, но, думаю, так ему проще отлынивать от занятий: всегда можно сослаться на душевную травму, нанесенную романом из списка, или на то, что его ухаживания отвергли. Нам преподаватели и правда чаще идут навстречу.

– И что же он делает, когда отлынивает от занятий?

Озриэль пожал плечами:

– Ходит на репетиции и свидания.

На одного кандидата в моём списке стало меньше. Индрик явно не мог быть моим Суженым.

Мы помолчали.

– Озриэль, я тут подумала…

– Я тоже об этом подумал.

– Что мы могли бы помочь друг другу?

– Именно. Тебе понадобится в академии свой человек, а для меня поэтика – непосильная задача.

– Я хотела сказать то же самое.

– Вот и чудно! – Озриэль извлек из кармана хронометр-луковицу. – Прости, перерыв заканчивается, мне нужно бежать. Встретимся завтра у ворот академии, тогда же и обсудим план дальнейших действий. А пока, вот, держи.

Он перевернул рюкзак и высыпал на стол свитки, перевязанные разноцветными ленточками.

– Это чистовики, – пояснил он, разворачивая тот, что был обернут зеленой тесьмой. – Вот в этих, с изумрудной печатью, самые простые задания: вставить пропущенное слово или расположить предложения в правильном порядке, чтобы получилась рифма. Ну, сама разберешься, тут нетрудно, тем более для тебя. Это работает так. – Он достал из кармана слегка помятое перо, разгладил пергамент, на котором каллиграфическим почерком было выведено уже знакомое мне

четверостишие, и аккуратно вписал в пропуск «гроза».

Секунду ничего не происходило, а потом строчки дрогнули и блеснули, словно по ним пробежала изумрудная змейка, после чего внизу проступила закорючка «Зачтено». Старомодная такая, с завитками и росчерками.

Озриэль просиял.

– Видела?

В этот момент в отдалении грянули трубы, и он снова заторопился:

– Задания с бронзовой печатью защищены голосовой проверкой. Их нужно отправить сегодня. Как бы ты начала эту поэму?

Я пробежала глазами строчки и продиктовала первую фразу. Не зря папа заставлял меня ходить к придворному поэту. Вот и пригодилось.

Озриэль быстро записал её, а потом поднёс листок к лицу и медленно четко прочитал стихотворение от начала и до конца. Чернила снова мигнули, на этот раз золотисто-бронзовым, и внизу появилась оценка за подписью профессора Марбис.

– Красные делай на черновиках. Там самый высокий уровень защиты, их нужно отдавать профессору лично в руки, так что передашь мне их завтра перед занятиями.

Он сгрудил мне свитки, всучил самопишущее перо («оно заточено под мой почерк») и принялся поспешно запихивать вещи обратно в рюкзак, прислушиваясь к звукам трубы за

окном.

– Постой, Озриэль, а как я сделаю бронзовые? Я же не пройду проверку.

– Ах да! – Он порылся в боковом кармане рюкзака и извлек оттуда розовый гранёный флакончик, как из-под духов. – Открой рот.

Я пожала плечами и открыла. Он быстро пшикнул туда, что-то пробормотав, и снова спрятал склянку. Я закашлялась: на вкус это было как земляника с луком.

– Что это? – спросила я голосом Озриэля.

– Неужто он так звучит со стороны? – удивился наглец, и мне тут же захотелось скормить ему остатки хлебных клопов, от которых отказался Магнус.

– И сколько мне так ходить? – прорычала я баритоном.

– До конца дня хватит – как раз успеешь сделать бронзовые. Но лучше не оттягивай до последнего. Голосовое заклятие постепенно выветривается, а у профессора Марбис очень острый слух.

Он закинул рюкзак за спину и поднялся. Я тоже встала. И даже не удивилась, когда рядом мгновенно возникла Уинни.

– Куда? А деньги?

– Не нужно, – отмахнулась я. – Оставьте себе, будет, что внукам рассказать.

Уверена, ей не каждый день доводится обслуживать принцесс.

– Чего?!

– Вот, здесь за двоих. – Озриэль ссыпал мелочь в тяжелое малахитовое блюдце, вделанное прямо в стол.

Ах да, плата…

Деньги завертелись и тут же исчезли, за исключением пары монет, которые продолжили колесить по стенкам. А владельцы «Наглой куропатки» молодцы! Не ущемляют сотрудников в плане чаевых. Уинни сунула монеты в передник и, даже не кивнув на прощание, вернулась к клиентам.

– Идём. – Озриэль подхватил мои вещи и направился к выходу.

На запястье сонно похрапывал сытый Магнус.

Снаружи в глаза сразу ударило солнце, и мы вновь оказались в самой гуще толпы. Все куда-то спешили, сталкивались, приветствовали друг друга, ругались и требовали посторониться.

Озриэль поспешно отвёл меня в сторону. Я сложила руку козырьком и на этот раз хорошенько разглядела площадь, о которой он говорил.

Вся она купалась в солнечных лучах и оттого казалась сделанной из чистого золота. В отполированных до зеркального блеска мраморных плитах отражалось небо с бегущими по нему облаками. В центре стоял фонтан с четырьмя статуями, замершими в самых героических позах.

– Принцы-основатели, – озвучил мою мысль Озриэль и указал на первого, потирающего сухонькие ручки: – Глюттон Медоречивый, покровитель факультета магической ди-

пломатии. Из-под мантии у него выглядывал тонкий хвост с кисточкой на конце. – А это, – тычок в сторону сухопарого длинноволосого старика с закрученными в спирали и спускающимися почти до земли рогами, – Амброзий Высокий, ему мы обязаны факультетом ученых мужей. Рядом с ним Эол Свирепый – ну, тут ты уже сама можешь догадаться.

– Факультет доблестных защитников?

Озриэль благоговейно кивнул. Объект его преклонения – настоящий исполин с разделенной надвое бородой – голыми руками скручивал в узел крошечного испуганного змея (мне даже стало его жалко).

– И последний. – Юноша сообщил это со смущенным смешком: – Мадоний Лунный, факультет ранимых романтиков.

Этот принц стоял чуть в стороне от остальных, задумчиво перебирая струны лиры и обратив взор к лишь ему видимым звездам. Тонкие щиколотки оканчивались изящными копытцами.

За фонтаном располагалась непосредственно сама академия. Больше всего она напоминала огромную корону с башнями-лучами. Сейчас высокие золотые ворота были открыты, и в них втекал разношерстный поток учащихся. Трубы отзвучали в последний раз, и створки начали медленно закрываться.

– Извини, более подробная экскурсия позже. Увидимся завтра перед занятиями, – выпалил Озриэль и повел плеча-

ми – со стороны выглядело так, будто он только что оправил свою кожу, как костюм – а потом поспешил через дорогу.

– Постой, мне некуда идти! – крикнула я ему вслед.

– Ах да, прости, найди Шебутной переулок и спроси лавку магических цветов «Эксклюзив-нюх». Там требуется продавщица.

– Продавщица! – ахнула я, но светлая курчавая голова уже смешалась с толпой. – Продавщица, – возмущенно повторила я Магнусу и, поскольку разморенный послеобеденным сном паук не спешил откликаться, тряхнула рукой. Тот недовольно приоткрыл четыре глаза.

– Кто-то, помнится, искал приключений на свой царственный филей?

– Гляди, – я кивнула на проезжающий мимо красочный фургончик, – бродячий зоопарк. Может, мне сделать пожертвование в пользу голодающих птиц?

– Ты не посмеешь, – лениво отозвался Магнус, зевнул и снова прикрыл глаза.

Ну, не спорить же с собственным пауком посреди улицы! Я раздраженно подхватила с земли пожитки и отправилась на поиски цветочной лавки.

– По крайней мере, лавка эксклюзивная, – рассуждала я вслух, отрабатывая фальцет. – Это ведь не то же самое, что торговать на углу фиалками.

Глава 3

Про обычаи Шебутного переулка и допрос с пристрастием

Шебутной переулок в полной мере оправдывал своё название. Несмотря на исключительную узость и извилистость, народа в него втиснулось раза в три больше, чем на центральную улицу. На меня со всех сторон обрушились звуки. Здесь смеялись, хрюкали, азартно торговались, жалобно ржали, угрожающе шипели и льстиво убеждали. Я с трудом пробиралась через толпу. По обеим сторонам довольно беспорядочно рассыпались палатки, магазины и лавочки, завлекавшие всевозможными товарами и услугами. Тут же играли в нарды, показывали карточные фокусы, глотали шпаги и изрыгали огонь. Справа от меня какой-то лысый субъект с крюком вместо руки и шрамом через всё лицо тряс за грудки бледного паренька – с виду эльфа – угрожая расправой, если тот не посетит его замечательную лавку волшебных ковров. Этого торговца явно не научили азам работы с клиентами.

Возле лотка с мороженым я замешкалась и проводила завистливым взглядом мальчика, только что ставшегося счастливым обладателем ярко-розового лакомства под пышной шапкой сливок. Всё как я люблю: клубничный пломбир с шоколадной крошкой, кусочками печенья, лепестками миндаля, воздушным рисом, карамельным сиропом, мятными пастилками и торчащей сбоку трубочкой. Доконал меня ва-

фельный рожок, несколько раз оборачивающий руку везунчика.

– И зачем люди придумали деньги, Магнус? – вздохнула я и вдруг с ужасом обнаружила, что паука нет на запястье. – Магнус!!

Я испуганно заозиралась и увидела его в нескольких шагах от себя. Паук отчаянно сражался с каким-то рыжеволосым прощелыгой в закатанных полосатых штанах, подтяжках на голое тело и котелке. Тот пытался вырвать у него рубин. Я бросилась на помощь.

– Сейчас же отпусти его!

При виде меня, воришка тут же кинул паука и нырнул в подворотню. Я на лету поймала Магнуса.

Он дрожал от возмущения и пережитого кошмара.

– Ты как, в порядке? – я пригладила взъерошенные волоски.

– Да, кажется… – выдавил он, немного придя в себя. – Но знай: я на такое не подписывался! С тебя двойная порция мух за вредные условия труда.

Я потянулась к его драгоценной ноше:

– Давай пока спрячем рубин, не стоит привлекать к нему внимание, тем более в таком месте.

– Вот ещё! – воспротивился Магнус и решительно вцепился в реликвию. – Под моей защитой он будет в безопасности. Теперь-то уж меня точно не застанут врасплох: буду на стороже и вычислю проходимца с нечестными намерени-

ями заблаговременно.

– И как ты такого узнаешь?

– По бегающим глазкам и недоброму прищуру.

Магнус ощетинился и занял боевую позицию на моём запястье, с подозрением оглядывая каждого встречного на предмет соответствия этим критериям. А поскольку Шебутной переулок был битком набит именно такими типами, выражение хитрой настороженности не сходило с его мордочки.

– Пожалуй, нам лучше поскорее найти цветочную лавку.

Я перехватила поудобнее вещи и завертела головой, даже встала на цыпочки, но в такой толчее сложно было что-то отыскать. Поэтому вскоре я обратилась к уютного вида толстушке, торгующей жареными морскими ежами. При этом я старательно пищала, изображая свой прежний голос. То ли получалось у меня удачно, то ли голосом здесь никого не удивишь, но она даже бровью не повела и пустилась в объяснения. Примерно на середине я поняла, что Шебутной переулок стоило переименовать в Шебутной лабиринт. Отчаявшись втолковать всё на словах, добрая женщина взялась нарисовать мне карту, использовав для этого бумагу, в которую заворачивала свой товар. Дело осложнялось тем, что я не местная. В противном случае, как пояснила торговка, я преспокойно добралась бы напрямки, сдвинув пару досок в заборах и шепнув разок-другой пароль часовым в переходных точках. Окончание пути она выводила, высунув кончик

языка, уже в самом уголке.

От души поблагодарив её и пообещав накупить дюжину кульков с ежами, как только устроюсь на работу, я продолжила путь.

Через час настрой был уже не таким бодрым.

– Долго ещё? – спросил Магнус, обмахиваясь листиком герани, который сорвал на ходу из какого-то цветочного горшка. Успел нахвататься местных приемчиков.

– Кажется, мы почти на месте, – сообщила я, снова разворачивая карту. – О нет!

– Что такое?

Я показала ему рисунок – окончание пути смазалось. Я в досаде шмякнула вещи о землю:

– Мне никогда в жизни не найти эту лавку! Теперь я знаю, что девятый круг ада называется «Эксклюзив-нюх»!

– Вы ищете лавку магических цветов? – вежливо спросил кто-то.

Я опустила глаза и обнаружила того самого мальчика, любителя мороженого. Он уже успел расправиться с лакомством, о котором теперь напоминали только розовые усы и липкие губы.

– Да, ты знаешь, где она? – с надеждой спросила я.

– Все знают, где она, – кивнул он и подхватил мой сундучок. – Идёмте, я вас отведу.

Магнус бросил на меня выразительный взгляд и едва слышно прошелестел.

– А чертята в том аду исключительные сладкоежки.

Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за маленьким провожатым. Признаться, я ему не слишком доверяла. Магнус, видимо, придерживался того же мнения – он не спускал все восемь глаз с сундучка, которым тот непринужденно помахивал, что-то напевая. Правда, одет мальчик был на порядок лучше большинства местных: в бархатную куртку и полусапожки с загнутыми носами. Голову прикрывала треугольная шапочка с петушиным пером.

Мы попетляли минут пять и, к полному моему изумлению, вышли туда, откуда я начинала свой путь.

– Ты уверен, что это здесь?

– Абсолютно, мы почти на месте.

– Тогда как ты объяснишь это? – Я протянула ему карту.

Мальчик развернул её, лизнул пятно от ежового соуса и кивнул:

– Всё верно: любой, на месте мамаши Пикус, объяснил бы так же. Вам ещё повезло, что встретили её. Она всегда рисует самый короткий путь.

– Но это ведь скорее антикарта! – воскликнула я. – У меня было больше шансов найти лавку, делай я всё с точностью до наоборот!

Малыш пожал плечами:

– Это же Шебутной переулок, здесь никто не отвечает на поставленный вопрос прямо и не ищет легких путей.

Я вздохнула, слишком уставшая для споров и выяснения

других особенностей здешнего менталитета.

– Так, говоришь, мы совсем близко?

– Да, – он махнул рукой в сторону чистых и радующих глаз магазинчиков, – просто идите прямо и ориентируйтесь на необычный запах, не собьетесь.

– Что ты за это хочешь, мой прекрасный спаситель?

Мальчик поставил поклажу на землю и заломил шапочку:

– Поцелуй прекрасной девы.

– Ещё чего, перехочешь, – отрезала я.

– Я имел в виду в щечку, – пояснил он с самым оскорбленным видом.

Даже золотые локоны и те колыхнулись невинным ореолом.

– А, ну раз так, получай! – Я наклонилась к нему, но сорванец в последний момент повернулся, чмокнул меня в губы и отскочил с самым хитрым видом.

– Теперь всем расскажу, что целовался с принцессой!

– Что ты, тише, – я беспокойно заозиралась по сторонам. – Никакая я не принцесса, а самая обычная продавщица. Вернее, даже будущая обычная продавщица.

– А вот и нет! Только принцессы бывают такими красавицами! – выпалил он в совершенном восторге и бросился прочь вприпрыжку, на ходу выкрикивая: – Принцесса-принцесса!

К нему тут же начали подтягиваться местные мальчишки, что-то возбужденно спрашивая. Получив ответ, принялись

выворачивать шеи в мою сторону и тыкать пальцем.

– Ты мастерски умеешь не привлекать к себе внимание, – констатировал Магнус.

– Я-то здесь при чем?! Всё королевская кровь, народ не обманешь!

Ладно, сознаюсь, досаду пришлось изображать: было чертовски приятно, что даже такой мелкий догадался, кто перед ним.

Мы с Магнусом резво припустили в указанном направлении.

– Тебе стоило уточнить, что он имел в виду под необычным запахом, – заметил паук, трясясь на моём запястье.

– Мог бы и подсказать.

– Чтобы все вокруг знали, что в цветочной лавке работает принцесса с говорящим пауком? Да к тому же ещё и… – Тут он едва не слетел с моего запястья, накрытый волной того самого необычного запаха. – Что это? – выдавил он, вдыхая воздух маленькими порциями и исключительно через мой платочек.

– Думаю, наше новое место работы, – ответила я, в свою очередь, прикрывая нос рукавом.

Запах не был неприятным – он был непередаваемым. Ну, представьте, как если бы вы велели своей кухарке вытащить из погреба абсолютно все продукты и залить их всеми имеющимися в доме духами. Вот примерно то же чувствовали и мы.

Снаружи лавка смотрелась просто изумительно: чистенькая, с нарядной фигуристой вывеской и лаковым крылечком. Похожа на пряничный домик. Название переливается самыми радужными оттенками и увито цветами – такого многообразия я не видела даже на королевских приёмах, а я, поверьте, повидала их во дворце немало.

– Уверена, что нам стоит туда идти? Может, поищем другое место? В переулке полно лавок – что-нибудь, да подвернется.

– Нет, мы искали её, и мы её нашли, – возразила я и уже не так твердо добавила: – Озриэль не посоветовал бы плохое место. Наверняка, всё не так уж страшно, а к запаху мы постепенно привыкнем. Совсем скоро перестанем его замечать, а, может, даже полюбим… Мне уже нравится… – Я отлепила нос от рукава и сделала пассы в воздухе, подгоняя его для ускорения процесса привыкания, но тут же снова закашлялась и уткнулась в рукав.

– Пожалуй, привыкать стоит постепенно, – прогундосила я.

Магнус лишь слабо кивнул, и мы направились к крыльцу.

Когда мы вошли, дверной колокольчик (в котором я узнала самый что ни на есть настоящий цветок) мелодично звякнул, одарив нас запахом имбирного эля.

Я замерла, изумленно оглядываясь. Внутри лавка оказалась почти круглой. На видном месте висел портрет короля, надменного брюнета с породистым носом и бледной ко-

жей. Пол был выложен разноцветными камешками, похожими на карамельки, а стены – мозаикой, изображавшей цветы, нечто похожее на цветы, а ещё всё то, что хотя бы отдаленно напоминало цветы. Их живые оригиналы стояли повсюду: в кадках, вазах, вазонах, вазочках, горшках, всевозможных сосудах, не совсем сосудах (я сейчас про настурции, торчащие из винтажного башмака) и даже креманках! Именно они и распространяли эту невообразимую смесь несовместимых запахов. Воздух можно было резать и мазать на хлеб. На втором этаже имелась небольшая галерея, куда вела деревянная лестница. Там помещалось всё то, что не поместилось на первом этаже.

– Магнус, ущипни меня… – выдохнула я.

Я так увлеклась разглядыванием, что едва не села в кадку с гладиолусами, услышав вежливое:

– Вам помочь?

За прилавком стояла девушка, моя ровесница, плюс-минус год. Сразу видно, что помесь, вот только непонятно, кого с кем: высокая – на две с половиной головы выше меня, чуть полноватая и слегка лопоухая. Зато смотревшие на меня глаза были изумительного лазурного цвета и такие честные, что сразу стало неудобно, оттого что придётся ей врать.

Но, раз уж это неизбежно, лучше скинуть бремя в самом начале. Я решительно подошла к ней и протянула руку, на которой сидел Магнус. Тут же спохватилась и протянула другую:

– Да, здравствуйте, – я взглянула на приколотый к фартуку лепесток с именем, – Эмилия. Меня зовут Ливи.

Я слышала, что именно так простым людям следует начинать знакомство. В лице девушки отразилось удивление, но она ответила вежливым пожатием.

– Мне сказали, что вам требуется продавщица, и я с удовольствием оказала бы вам эту услугу. Понимаю, что вы не сможете платить мне столько, сколько подобает при… – тут Магнус ущипнул меня, и я прикусила язык, – …при…при моих способностях, но я всё равно согласна работать у вас, вот.

Она немножко поморгала и так же вежливо уточнила:

– А какие у вас способности?

– Ну…я отлично умею обращаться с цветами.

Разумеется, умею: мне их столько надарили за всю жизнь!

Девушка выдвинула ящик, достала анкету и сделала там пометочку.

– То есть у вас уже имеется опыт работы в цветочном магазине?

– Ээ…не совсем. Зато я превосходно подбираю нужные цветы.

Это совершенная правда: однажды папа спросил, какая из двух брошек больше подходит к его парадному мундиру: бриллиантовый ландыш или изумрудная орхидея.

– То есть сможете составлять букеты? – уточнила сотрудница.

– Безусловно! Мне всегда делали комплименты за превосходный вкус.

По правде говоря, тут я слегка засомневалась, вспомнив, что делали их придворные льстецы. Но лгать о таком – просто низость!

– Ваше семейное положение?

– Совсем скоро я выйду замуж, – уверенно ответила я.

– О, мои поздравления! – просияла она, но тут же слегка нахмурилась и, перегнувшись через стойку, сообщила доверительным шепотом: – Только лучше не говорите об этом хозяйке. Она ищет на эту должность одинокую девушку.

– А разве хозяйка не вы?

– Что вы! Я лишь обычная сотрудница. Просто с некоторых пор я не могу работать в лавке по вечерам, поэтому было решено нанять напарницу, которая сменяла бы меня во второй половине дня.

Я слегка расстроилась: я ведь уже расположила её к себе, а тут придётся очаровывать кого-то ещё, но что поделать.

– А почему нельзя говорить хозяйке о моем статусе?

Девушка перешла на такой шепот, что ответ пришлось практически читать по губам:

– Она считает, что разбитые сердца плохо сказываются на работе.

– А причем тут разбитые сердца?

– Мадам уверена, что любые отношения рано или поздно заканчиваются разбитыми сердцами, а клиентам будет

неприятно видеть за стойкой страдающую цветочницу. Всё это она точно знает, потому что у неё самой разбито сердце из-за многочисленных измен её возлюбленного.

– Тогда я не буду говорить ей о свадьбе, – кивнула я. – Всё равно сперва надо найти жениха.

Эмилия одарила меня ещё одним честно-удивленным взглядом.

– Так когда мне начинать?

Девушка вытащила из ящика стопочку заполненных анкет, присовокупила к ним мою и, перевязав ленточкой, вернула всю пачку на место.

– Сперва вам нужно побеседовать с мадам. Запишу вас на один из ближайших дней.

– Зачем? Кажется, я идеально подхожу на эту должность.

– Это так, но, боюсь, может возникнуть загвоздка из-за вашего голоса. Сами понимаете: от цветочницы требуется коммуникабельность, улыбчивость и приятный голос. А ваш больше похож на мужской баритон.

Тут я сообразила, что, разговаривая с ней, забыла пищать.

– Что вы, это не мой! – воскликнула я и тут же поправилась: – Вернее, мой, просто сейчас он сам на себя не похож: я объелась мороженого. Знаете, продаётся тут на углу – клубничный пломбир с шоколадной крошкой, кусочками печенья, лепестками миндаля, воздушным рисом, карамельным сиропом, мятными пастилками и торчащей сбоку трубочкой.

– А рожок ещё закручивается вокруг запястья?

– Да-да, он самый!

– А, ну тогда, думаю, проблем не возникнет.

Знаете, врать – это как спускаться с горы на ледянках: достаточно в самом начале посильнее оттолкнуться ногами, а дальше несет уже само.

Эмилия снова достала стопочку, открепила верхнюю анкету и протянула мне:

– Вам повезло, хозяйка сейчас у себя и, наверняка, сможет с вами пообщаться. Отдадите это ей. И… – тут она искренне улыбнулась, – желаю удачи. Очень надеюсь, что вас примут. Мне недавно напророчили, что девушка с пауком и странным голосом, которая придёт в лавку, станет моей хорошей подругой. Правда в пророчестве уточнялось, что паук говорящий, поэтому речь, скорее всего, шла о какой-то другой девушке.

Я потеряла дар речи, зато Магнус его обрел.

– Слава Пряхе! – выдохнул он. – А то у меня уже жвалы свело.

– О, – сказала девушка безо всякого удивления, – ну, надо же! А я ещё спорила, что пауки не умеют разговаривать. Кстати, раз уж ты говорящий, отличная татуировка: сердечко – так романтично! Уверена, от паучих отбоя нет.

– Да чего уж там, – небрежно отмахнулся Магнус.

Сердечко вспыхнуло густо пунцовым. Эмилия снова повернулась ко мне:

– Поскольку мы теперь подруги, предлагаю перейти на «ты». – Она сделала паузу, и, дождавшись моего кивка, продолжила: – Тогда постой тут, я сообщу о тебе мадам Гортензии.

– Мадам…*кто?*

Нет, таких совпадений просто не бывает! Уверена, в этом королевстве полно жительниц с именем Гортензия, при этом необязательно гномок, и…

Тут наверху хлопнула дверь, послышался цокот каблучков, и на площадку вышла хозяйка лавки. Глаза заплаканные, ридикюль с киркой где-то оставила.

Подружка любвеобильного Рудольфо – а это, разумеется, была именно она – тоже меня узнала, я поняла это по прищуренному взгляду и собравшимся в гузку губам.

Эмилия подняла голову:

– О, мадам Гортензия, я как раз хотела идти к вам. Эта девушка откликнулась на объявление и…

Та жестом остановила её, не отрывая от меня пристального взгляда:

– Я всё слышала, Эмилия, можешь не утруждаться пересказом. Я с огромной охотой побеседую с этой барышней.

Морковные губы раздвинулись в широкой улыбке. Она сделала мне знак подниматься:

– Прошу в мой кабинет.

Не то чтобы я невезучая принцесса, но результат почему-то всё время получается не тот, на который я рассчиты-

вала.

Эмилия ободряюще мне кивнула и я, вздохнув, поплелась на второй этаж.

* * *

Стоило мне зайти, позади раздалось какое-то шуршание. Я обернулась и увидела, что вьюнки оплетают дверь прочной сетью, отрезая обратный путь.

– Садись.

Голос мадам Гортензии сделался холодным, как вода для закаливания.

Стул с визгом отодвинулся, заехал сбоку, поднырнул под меня и придвинул к столу. Я даже ойкнуть не успела. Опустив глаза, я обнаружила, что им управляют другие цветы, похожие на те, что оплели дверь, только с гораздо более толстыми стеблями. Они стелились по полу змеевидными лианами. Магнус тут же оказался отсоединен от моего запястья и помещен на крупный желтый цветок, как на креслице, рядышком. На рот ему опустился лепесток-кляп. Паук возмущенно вытаращился, но мог только мычать.

– Итак, где и при каких обстоятельствах ты познакомилась с Рудольфо?

Низенький силуэт мадам Гортензии четко выделялся на фоне окна с цветными ромбовидными стеклышками. Свет бил мне прямо в глаза, и её рыжие волосы вихрились огненным ореолом. Рядом на стене висел под стеклом засушенный

букет ирисов. Отчего-то он мне хорошо запомнился.

– Мы не знакомы! Я только сегодня прибыла в Затерянное королевство и…

Договорить я не успела, потому что с боков выбросились две лианы и пригвоздили мои руки к подлокотникам стула. На каждом запястье пристроилось по одному молочно-перламутровому цветку, похожему на кувшинку. Они обернулись к хозяйке в ожидании дальнейших распоряжений.

– Эй, вы не имеете права!

– Спокойно, детка, если ты говоришь правду, волноваться не о чем. Это всего-навсего правдоцвет. Ты ведь хорошая девочка, и тебе нечего скрывать?

Я сглотнула и кивнула.

– Чудно! А теперь ещё раз: откуда ты знаешь Рудольфо?

– Никогда его прежде не видела! – выпалила я.

Цветы на моих запястьях мягко колыхнулись, мигнув нежным перламутром.

Складка между бровей гномки разгладилась, она приметно успокоилась и кивнула. Правдоцвет слегка ослабил хватку, но не отпустил.

– Как тебя зовут? – задала она новый вопрос.

– Ливи.

Тот цветок, что был справа, не изменился, а вот лепестки левого начали активно пропитываться предупреждающим багрянцем. По прожилкам забегали искорки, запястье защипало.

– Ай!

Мадам Гортензия подошла ближе и удивленно нахмурилась:

– Это правда лишь наполовину.

– Ну, это сокращенное имя.

Тут какой-то небольшой бутончик, похожий на синий тюльпан, только с длинными колышущимися тычинками, взобрался к ней на плечо и что-то зашелестел лепестками на ухо. Мадам внимательно его выслушала и кивнула:

– Лизоблюдка прав: назови-ка полное имя.

Я в досаде уставилась на коварного Лизоблюдку: терпеть не могу проныр и стукачей!

– Имею полное право не называть, – отрезала я. – Друзья зовут меня Ливи.

Юркий цветок опять что-то зашептал ей на ухо. Она только кивала, изредка роняя: «ага» и «ты прав-ты прав».

Я сверлила советника взглядом: погоди, вот устроюсь на работу, и не видать тебе прохладной водички и щедрой подкормки!

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась гномка, – тогда скажи вот что: ты действительно пришла сюда в поисках работы, ничего не замышляешь против меня лично и не подослана конкурентами, чтобы выведать секреты моего бизнеса?

– Я действительно всего лишь хочу устроиться на работу! – взвыла я.

Никогда бы не подумала, что цветочницы проходят такой жесткий отбор.

Мои слова были тут же подтверждены жемчужно-серебристыми переливами, но хозяйка «Эксклюзив-нюх» явно не намеревалась так просто сдаваться:

– Тогда ты, без сомнения, собираешься постоянно отвлекаться от службы на дела сердечные, потому что, подобно множеству других девиц, прибыла в Затерянное королевство в поисках мужа?

Я стиснула зубы:

– Нет.

Цветы тут же красноречиво засигнализировали об обмане, от оков начал подниматься дымок. Мне отчаянно захотелось почесать запястья.

В лице экзаменаторши проступило торжество:

– Девицы слетаются на Принсфорд, как бабочки на огонь. Глупенькие создания. В мире нет никого легкомысленнее принцев!

– Хорошо, это неправда, – выдавила я, борясь с желанием вскочить вместе со стулом и выдрать лианы из пола. – Но где гарантия, что одинокая девушка, которую вы наймёте, не встретит на следующий день любовь всей своей жизни? Что вы тогда сделаете, уволите её?

Гномка неожиданно смутилась.

– Нет, конечно, нет, – забормотала она, но тут же приняла прежний надменный вид. – Кто я такая, чтобы вставать меж-

ду девушкой и её разочарованием? Ладно, последнее: есть что-то, о чем ты намеренно умолчала?

Я уже поняла, что лгать правдоцвету бессмысленно, поэтому обреченно выдохнула:

– Да. – И тут же добавила: – Но это касается только меня, и не имеет отношения ни к вам, ни к вашей лавке, ни к Рудольфо.

Глядя на сложенные на груди руки, я уже смирилась с приговором, но тут скользкий советник шепнул ей на ухо своё веское слово, и мадам Гортензия кивнула:

– Добро пожаловать в «Эксклюзив-нюх». Начнёшь с завтрашнего дня. Эмилия введёт тебя в курс дела.

Травяные оковы мгновенно спали, снова сделавшись обычными цветами.

Из кабинета я вышла под неустанное ворчание Магнуса, потирая распухшие запястья и продолжая удивляться, что меня всё-таки приняли.

* * *

Вопрос с жильём был решен на месте. Узнав, что я пока ни с кем не договорилась, мадам предложила мне занять свободную комнату на втором этаже. Может, я всё-таки в ней ошиблась?

Провожая меня туда, Эмилия (сама она жила над лавкой волшебных книг), неустанно щебетала, радуясь новой напарнице и время от времени стукаясь о потолочные балки, когда

забывала пригибать голову.

– Тебе повезло: мадам далеко не каждой предлагает остановиться у неё. И до работы недалеко – всего-то на этаж ниже спуститься. – Она распахнула дверь, и мы замешкались на пороге какой-то прихожей. – Здесь чудесно, правда?

– Чудесно, – согласилась я, – но ты не могла бы поскорее показать мне комнату, я очень устала с дороги.

Мысленно я уже принимала ванную и задергивала шторки балдахина.

Эмилия повернула ко мне удивленное лицо:

– Так это она и есть.

Я снова оглядела «прихожую»: узенькая, как дощечка, кровать под пестрым лоскутным одеялом, гномик-ночник на тумбочке, красный шерстяной коврик и стеснительно задвинутый в угол ночной горшок в виде утки. Здесь было всего одно окно, которое выходило прямо на крышу. Ветер колыхал легкую тюлевую занавеску, отчего вышитые на ней серебристые феи танцевали.

Комната? Да мой шкаф для перчаток и то больше был! Воскресных перчаток.

Я повернулась к Эмилии и выдавила:

– А гвоздики на стене зачем?

– Как зачем? А платья ты куда вешать будешь?

* * *

Остаток дня я посвятила привыканию к мысли о том, что

буду здесь жить (тем больше причин поскорее найти Суженого), и домашней работе Озриэля. Стола в комнате не оказалось, поэтому я расположилась прямо на коврике, в окружении свитков. Самопишущее перо выводило ответы под мою диктовку почерком будущего принца. Первыми на очереди были задания с изумрудной печатью. Их я щелкала, как орешки. Пока я занималась поэтикой, Магнус брезгливо обходил свои владения. Местом приюта он избрал подоконник и теперь бегал из угла в угол, примеряясь, где бы лучше повесить паутинку. Из окна доносился приглушенный гомон голосов.

Когда лучи заходящего солнца покрыли тюлевых фей золотистой пыльцой, а в открытую форточку потянуло ароматом пирожков с ежевикой, я велела перу остановиться и устало потёрла глаза:

– Не хочешь немного проветриться, Магнус?

Паук, который в этот момент в сотый раз перевешивал гамак из паутины, одарил меня мрачным взглядом.

Бронзовые свитки я отложила на потом – сделаю, когда вернусь.

К вечеру народа в переулке поубавилось лишь самую малость, но дышать и перемещаться стало значительно легче. Таким он мне почти понравился. Я зашла в ломбард магических вещей и с болью в сердце рассталась с гребешком с ароматом орхидей. Мне нужны были хоть какие-то наличные – пока не получу первое жалование.

– Вы уверены, что на эти кружочки мне что-то продадут? – Я с сомнением пошевелила золотую горсточку, которую гоблин средних лет ссыпал мне в ладонь.

Хозяин ломбарда стрельнул в меня прищуренным взглядом, и я сочла за лучшее поскорее убраться оттуда (напоследок погладив гребешок и пообещав обязательно за ним вернуться). Мои опасения подтвердились: чтобы купить пирожок, мне пришлось сперва разменивать золотые монеты на серебряные, их в свою очередь – на медные, а последние – делить пополам (раскусыванием занимался специальный тролль). К лотку я вернулась, когда торговец уже сворачивался, но ухватила-таки последний пирожок. Магнусу я купила кулёк сушеных кузнечиков.

Пока я жевала свой ужин, пожилой фонарщик прислонил к соседнему столбу лестницу, кряхтя, вскарабкался наверх и зажёг газовый рожок. Потом спустился и повторил процедуру ещё с полдюжины раз, переходя от столба к столбу. Зеленоватые ореолы и шипение лопающихся пузырьков придали переулку слегка мистический вид.

Когда с едой было покончено, я потянулась, чтобы выкинуть пустой кулек, но случайно скользнув по нему взглядом, узнала газетную страницу – наверняка, из тех самых «Затерянных ведомостей». Половина текста досталась какому-то другому покупателю, но и оставшегося хватило, чтобы понять: статья обо мне. Я поспешно скомкала бумагу и выбросила её, невольно оглянувшись по сторонам, но никто, каза-

лось, не обращал на меня внимания. В отдалении пробило десять часов, напомнив о несделанных бронзовых свитках.

Когда я вбежала в комнату, голосовое заклятие уже начало выветриваться: потренировавшись вслух, я обнаружила, что мой прежний голос просачивается сквозь интонации Озриэля, как джинн из неплотно закрытого сосуда. Хорошо, что свитков было всего три – я успела управиться со всеми. Но над последним пришлось попотеть: перечитала трижды, прежде чем его приняли. И лишь увидев одобрительную закорючку, облегченно выдохнула.

Потом поднялась с пола и убрала свитки в тумбочку. Немного подумав, я решила, что рубин всё-таки не стоит носить с собой. После недолгих поисков, организовала тайник в ночнике, отодвинув нижнюю крышку. Покончив со всем этим, стала готовиться ко тайник сну: завтрашний день обещал быть насыщенным.

Глава 4

в которой сначала маскируюсь я, а потом маскируют меня

Поскольку мой рабочий день начинался только после обеда, с утра я могла спокойно встретиться с Озриэлем. Магнус устроился в кармане и просил разбудить, когда будем на месте. Спустившись, я застала Эмилию за поливкой каких-то

цветов, похожих на розовые воронки на толстых трубчатых стеблях. Они шипели и отталкивали друг друга, стремясь прорваться к струйке живительной влаги. Девушка уговаривала их не ссориться, заверяя, что воды хватит на всех. Услышав мои шаги, она подняла голову:

– Привет, как спалось?

Как принцессе на горошине. Только без стопки матрасов.

– Как принцессе.

– Я знала, что тебе здесь понравится! А…ты куда-то собралась?

– Да, пройдусь немного по городу, я ведь только вчера приехала, ещё ничего толком не видела. К обеду вернусь.

Эмилия кивнула:

– Тогда и проведем полный инструктаж. Но погоди минутку.

Она отложила лейку, подошла к кустику, усыпанному мелкими белыми цветочками (розовые воронки так возмутились, что едва не опрокинули кадку в попытке её догнать), задержала дыхание и осторожно потрясла веточку. В подставленный лист ссыпалась густая пыльца, похожая на золу с мелкими желтыми вкраплениями. Эмилия аккуратно сложила лист желобком, пересыпала порошок в кисет, затянула тесемки и протянула его мне:

– Вот, держи. Не то чтобы у нас в королевстве самый высокий уровень преступности, но одинокой девушке лучше иметь при себе какое-нибудь средство самозащиты.

– Что это? – я попыталась сунуть нос в мешочек, но Эмилия меня остановила:

– Осторожнее! Достаточно одной щепотки, и будешь чихать до самого вечера.

Я потуже стянула тесемки и закрепила кисет на поясе:

– Спасибо, надеюсь, мне это не пригодится.

– Увидимся в обед, – улыбнулась напарница и направилась к стрекочущим от нетерпения бутонам («Ну, всё-всё, уже иду»). В дверях я оглянулась и увидела, что она сидит возле них на корточках и успокаивающе гладит лепестки. Голос журчал не хуже водички. Кажется, Эмилия просто рождена для этой работы – все растения в лавке тянулись к ней. Хотя лично я бы предпочла, чтобы ко мне не тянулся вот тот бордовый кактус с липкими пузырями на конце колючек.

Мой взгляд упал на стоящую у порога корзинку:

– Возьму с собой лютики – по дороге буду всем рассказывать про нашу лавку и привлекать новых клиентов.

Эмилия, не оборачиваясь, махнула рукой:

– Отличная идея!

***

Лютики я, естественно, прихватила для прикрытия: так было проще объяснить присутствие цветочницы на территории мужской академии.

Когда я подошла к центральной площади, там, как и накануне, царило оживление. Будущие принцы спешили на за-

нятия небольшими группками и поодиночке. Я в общей толчее проникла в ворота и направилась к зданию. По пути не раз ловила на себе удивленные взгляды и в ответ радостно трясла корзинкой:

– Не желаете ли купить букетик для своей девушки, господин?

Будущие принцы оказались все как один жлобами. Или, может, я делала что-то не так?

Магнус сам проснулся от шума, позевывая, вылез из кармана и перебрался в корзинку – оттуда было лучше видно.

Я прикрыла его лепестками:

– Только не высовывайся и не вздумай ни с кем говорить.

– Совсем меня за личинку держишь? – обиделся паук.

Облюбовав местечко неподалеку от центрального крыльца, я принялась наблюдать за воротами, не забывая при этом про роль.

– О, Ливи, за прошедшие сутки ты стала ещё прелестнее!

Я обернулась и увидела Озриэля. Он приближался не со стороны ворот, а вышел откуда-то из-за здания.

– Прелестнее?

– Ну, нам задали отработать навыки преподнесения комплиментов по «Этикету ухаживаний», не возражаешь?

– Ничуть, в этом практикуйся сколько угодно.

– Отлично, а то чувствую себя ужасно глупо, воспевая румянец подушки.

– А ты откуда?

Озриэль махнул через плечо:

– Жилая башня там, за главным зданием. Я живу с Индриком и ещё одним студентом с нашего факультета.

Тут из-за поворота вынырнул сам Индрик, такой же бодрый и сияющий, как вчера. Он помахал мне и приблизился энергичным шагом:

– Ливи, в эту корзинку стоило посадить тебя.

Мои щеки запылали.

– Везунчик! – шепотом напомнил Магнус, и румянец из смущенного стал раздосадованным.

Я сдвинула брови:

– Хватит отрабатывать на мне домашнее задание!

– Какое домашнее задание? – удивился Индрик.

Тут все отвлеклись на цокот: мимо семенила крошечная старушка, звонко переставляя палочку с медным наконечником. Седые струны волос были стянуты на затылке в пучок, суровый, как северные ледники, на груди на серебряной цепочке висели очки с острыми кончиками. Идеально очерченные губы запечатал толстый слой сиреневой помады. Даже наш придворный зубодер не вселял в меня такой трепет. За ней по пятам следовала гора свитков, из-под которой торчали чьи-то ноги. Мои спутники тут же рассыпались в приветствиях:

– Доброе утро, профессор Марбис, – учтиво поздоровался Индрик.

– Один ваш вид вдохновляет на весь день! – промямлил

Озриэль.

– Свежие лютики! Вкусно пахнущие лютики! – закричала я, снова входя в образ.

Профессор поэтики остановилась, тепло кивнула Индрику, на пару градусов ниже – Озриэлю и, повернувшись ко мне, поднесла очки к глазам:

– Ваш голос кажется мне знакомым, юная леди.

Озриэль побледнел.

Увеличенные диоптриями серые глаза ощупали меня с головы до ног, породив желание прикрыться корзинкой. Она пожевала губами, покачала головой и вернула очки на грудь.

– Нет, видимо, показалось.

– Профессор Марбис, должен признаться, я не успел выполнить домашнее задание.

Я взглянула на Индрика: наверняка, блудный сын по возвращении и то меньше каялся.

Железная леди кивнула сухо, но не сурово:

– Я заметила, когда не получила вчера ваших работ. Уверена, у вас на то была *очень* веская причина, молодой человек.

– О! Более веской невозможно себе вообразить!

Профессор Марбис двинулась дальше, за ней, как на веревочке, поплелся носильщик свитков, а рядом вился Индрик, во всех красках расписывая уважительную причину.

Мы с Озриэлем поглядели им вслед.

– А у вас случайно нет факультета сказочников? – поин-

тересовалась я. – Индрика бы сразу сделали деканом.

В этот момент юноша отделился от профессора и бегом вернулся к нам:

– Вот, держи! – Он сунул мне восьмигранную золотую монету, схватил корзинку с лютиками и бросился догонять профессора.

– Хотел бы я так уметь, – вздохнул Озриэль.

В голосе звучало восхищение, напрочь лишенное зависти.

Тут гаркнули медные трубы, и студенты заторопились на занятия.

Я потянулась к карману:

– Тебе отдать красные свитки прямо здесь?

Признаться, дома я пыталась спрятать их на груди, чтобы в нужный момент достать эффектным жестом. Но пергаментные трубочки, все как одна, с обидным свистом пролетали, долго не задерживаясь в области декольте.

– Потом отдашь, идём. – Быстро оглядевшись, Озриэль потянул меня в тень фигуристых кустов.

– Куда мы?

Но тут он затащил меня в закуток между фасадом и подстриженными в виде шахматных фигур деревцами и придвинул к стене.

– Ты что, собираешься меня поцеловать?

Озриэль, который в этот момент осторожно отодвигал ветку, чтобы взглянуть на оставшихся во дворе, от неожиданности наскочил щекой на сук.

– Что?

– Ну, я подумала, это опять может быть какое-то домашнее задание.

Ещё чуть-чуть, и соседний куст задымился бы. Юноша потёр поцарапанную щеку, потом потёр вторую, чтобы скрыть румянец, и покачал головой:

– Нет, просто надо подождать, пока все разойдутся на занятия, чтобы нас не заметили. Он выглянул из укрытия. – Всё, теперь главное побыстрее добраться до жилой башни.

Мы двинулись вдоль стены, держась тени и пригибая головы. Из открытых окон над нами хор голосов пел приветствие профессору музицирования. Пока мы шли, Озриэль искоса поглядывал на меня.

– Что? У меня листики в волосах застряли?

– Нет, всё в порядке… Ливи, а если бы я тебя поцеловал, так, чисто по-дружески, как бы ты отреагировала?

– Отвесила бы затрещину – тоже чисто по-дружески.

– Думаешь, я настолько плохо целуюсь? – расстроился он.

– Магнус! – ахнула я и остановилась, как вкопанная.

– Хочешь сказать, даже хуже пауков?! – взвыл Озриэль.

– Да нет же: Магнус остался в корзинке с лютиками! Индрик подарил его профессору Марбис!

Я развернулась и хотела бежать обратно к главному крыльцу, но Озриэль удержал меня:

– Тебя всё равно не пустят внутрь. К тому же, аудитории запирают после третьего звонка. – Он поднял палец, и трубы,

словно повинуясь этому сигналу, взвизгнули в третий раз, после чего последовала серия хлопков. Озриэль кивнул: – Всё, двери закрыли до перерыва.

– Тогда попробуй ты! Ты ведь знаешь, где проходит поэтика.

– Что ты, её бы я ни за что не пропустил! Сейчас по расписанию «История волшебного народа». Сегодня про подземных духов будут рассказывать, а этот материал я лучше профессора знаю. Да и опоздавших всё равно не пускают. За Магнуса не волнуйся: все в курсе, что причинить вред пауку – к несчастью. Мы отыщем его во время перерыва.

Эти слова меня мало успокоили, но делать нечего. Я вздохнула и последовала за ним.

* * *

Жилой корпус напоминал бобовый стебель, уходящий в небо. Его облепляли плотные ячейки окон. На самой верхушке трепетали жестяные листочки, вокруг которых паслось небесное стадо облачков. Озриэль указал на ослепительно блестевшие листья и шепнул:

– Обрати внимание: это новшество – особая гордость академии. Энергия солнца магически преобразуется, так что у нас в комнатах всегда есть свет. Правда, я всё равно по старинке пользуюсь свечами.

Все студенты уже разошлись по аудиториям, поэтому мы беспрепятственно проникли внутрь. Охранник за стеклом

храпел так, что усы подпрыгивали.

Мы поднялись по винтовой лестнице на третий этаж и оказались в начале идущего по кругу коридора. С правой стороны тянулись закрытые двери. Они были самых разных размеров и форм: скучные прямоугольные, стрельчато-готические, в виде перевернутых треугольников и даже стилизованные под врата подземелий. На каждой имелась табличка с именами жильцов, написанных на их родном языке. Я немного знала огрский (в их лексиконе всего триста с небольшим слов), а в детстве довольно бегло говорила на наречии лесных эльфов, но потом папа запретил с ними играть, и вскоре я его забыла. Принцессам положено пользоваться услугами толмачей. Взглянув на круглую дверь, я хихикнула:

– Здесь что, хоббит живёт?

Озриэль повернул ко мне удивленное лицо:

– Ну да…

Я резко перестала хихикать, но тут улыбнулся он:

– Как будто не знаешь, что хоббитов не существует.

Я пихнула его в бок и прикрыла рот ладошкой в притворном изумлении:

– Так мы умеем шутить?

– Лучше, чем сочинять комплименты, – ухмыльнулся он и объявил:

– Всё, пришли, главное на коврик не наступай.

– А поче…

Но тут Озриэль с обреченным видом встал на полосатый

лоскут, напоминающий распятого кота, и я поняла, почему. Дверь, до этого мирно деревянная, мгновенно ожила: ручка превратилась в нос, доски поморщились, поморгали, и на нас уставились два янтарных глаза из застывшей смолы, а особо крупная щель открылась, зевнула и громогласно произнесла:

– Приветствую тебя, Озриэль Ирканийский, почетный легионер воинства ифритов, седьмой сын седьмого сына, восемьдесят третий в очереди наследник на престол, – тут дерево задумалось и поправилось, – восемьдесят второй: твой дядя Лавиний только что убил твоего троюродного брата Электико и…

Озриэль поспешно распахнул дверь, затолкал меня внутрь и снова её захлопнул. А привратник всё ещё продолжал бубнить что-то снаружи, изредка позевывая.

Мы оказались в небольшой гостиной – с диваном, столом и арочным окном в нише. Плиточный пол был застелен шкурой, в стене имелся камин в виде разинутой пасти льва, и три двери вели в следующие комнаты.

– Жаль Электико, – пробормотал Озриэль, – в детстве мы с ним часто играли.

Я попыталась перестать открывать и закрывать рот.

– Ты что, ифрит?! Нет, ты серьезно джинн??

– Ну вот, началось, – досадливо поморщился он и направился к ближайшей двери. – Кто тебя учил истории?

– Лучший из лучших! – выпалила я, подбоченясь.

Именно в таких выражениях мне когда-то представили

учителя базовых наук. Перед глазами тут же пронеслась вереница пакостей, которыми я впоследствии разнообразила жизнь этого милейшего и добрейшего старичка. Над таким просто грех не подшутить. Заменила его парик на другой, на два размера меньше, добавила в чай три капли книжной микстуры, после которой он весь день говорил цитатами, подарила перо-щекотуна… Нет, были и приятные вещи, например, когда глашатаи объявили его верховным главнокомандующим. Правда тут же добавили, что его вызывают на границу для подавления мятежа великанов. К вечеру его всё-таки нашли в ящике из-под картошки в самом дальнем погребе.

Папа в тот день лишил меня ужина.

Озриэль распахнул дверь своей комнаты и пропустил меня вперед.

– Ифриты не джинны, – пояснил он, закрывая её за нами.

– А кто тогда?

– Подземные злые духи.

– Злые?

– Это официальная формулировка.

– Ты не очень-то похож на духа. Слишком…плотный.

– Потому что я сейчас не под землёй, – рассердился он. – Здесь логично принять более…человеческую форму.

– То есть в настоящий момент ты не совсем ты? Вернее, на самом деле ты выглядишь как-то по-другому?

– Давай не сейчас, а?

– Ты что, стесняешься того, что ты ифрит? – удивилась я.

– Конечно, стесняюсь! – взорвался Озриэль. – Я злой дух, который учится на факультете ранимых романтиков! Мой отец даже не в курсе – до сих уверен, что я занял достойное место в рядах доблестных защитников. Знаю, что ты сейчас обо мне думаешь, но посмотрел бы я, как ты, на моём месте, сообщила бы ему правду. Он и за меньшие проступки стирал в порошок бесплотных духов, а у меня, знаешь ли, ещё шесть старших братьев есть, долго горевать не станет.

Я и не собиралась ни в чём его винить или смеяться. Напротив, искренне сочувствовала.

– Поверь, никто не понимает тебя лучше, чем я!

Но Озриэль пропустил это мимо ушей, продолжая кипятиться:

– К тому же, никого не окружает такое количество ложных слухов, как нас! Вот скажи первое, что приходит тебе в голову при слове «ифрит»?

Я сразу представила его в тюрбане, восседающем на шелковой подушке с пиалой фиников в одной руке и кувшином щербета в другой.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – нахмурился Озриэль.

– Ты что, умеешь читать мысли? – испугалась я.

– Нет. Но тюрбан и финики – самые распространенные варианты. Я проводил опрос.

– А как насчет кольца в носу? – хихикнула я, вспомнив

картинки из восточных сказок. – В анкете был этот пункт?

Он на минуту замер, а потом прыснул, заметно расслабившись:

– Неа, упустил как-то. А что, наверное, мне пойдёт кольцо, как считаешь?

– Без сомнения. Главное очень удобно: стану дергать за него всякий раз, когда будешь меня злить.

Озриэль потёр нос, как будто воображаемое кольцо натирало прямо сейчас, и пожаловался:

– Нас считают даже глупее джиннов!

– А это правда?

– Ливи, джиннов не существует! – простонал он. – Представляешь, каково это: считаться глупее тех, кого даже не существует.

Вот тут я всерьез расстроилась: моей тайной мечтой было однажды найти волшебную лампу и попросить у её раба прямые волосы. В сырую погоду я безо всякой магии превращаюсь в одуванчик.

– Повсеместное невежество в отношении нас просто ужасает, – продолжил Озриэль. – За мной весь первый семестр ходили по пятам, уговаривая залезть в бутылку. А учеба ведь только началась…

Тут он нетерпеливо отмахнулся от парящей в воздухе шелковой подушки – красной, с золотыми кисточками. Не сделай он этого, я бы решила, что она мне мерещится. Именно на такой я его себе и представляла.

– Озриэль, подушка…

Он направился к огромному платяному шкафу – моя нынешняя комната как раз бы в нём уместилась – и принялся рыться внутри.

– Ну да.

Голос заглушался одеждой. Подушка невозмутимо подплыла к нему и зависла рядом в воздухе.

– Чего она от тебя хочет?

Последовала пауза, затем вздох:

– Чтобы я на ней посидел.

– И всё?

– И всё. Это подарок от бабушки Остиопатры. Она утверждает, что джинны никакой не миф, и что в ранней юности она встречалась с одним из них, поэтому во мне течет его кровь. И что родством с такими элегантными и яркими существами можно только гордиться. В общем, старушка выжила из ума, сто пятнадцать как-никак на днях стукнуло, но она всё равно классная. Думаю, тебе бы она понравилась.

Слушая его, я окинула взглядом обстановку. Комната была стилизована под средневековые интерьеры. Слегка напоминала наш трофейный зал во дворце. Помимо шкафа, здесь имелась скромная узкая кровать, подвешенная на цепях, небольшой рабочий стол возле окна, с чернильницей, мраморным пресс-папье в виде страусиного яйца и восковыми свечами толщиной в руку – аж жутко стало, такие бы вокруг жертвенного алтаря расставлять. Я обернулась к Озриэ-

лю и попыталась представить его в черном плаще и с кинжалом, но не смогла. На стене красовался гобелен, с которого беззвучно вопил какой-то накачанный монстр, закованный в сложносочиненный доспех. Он размахивал палицей, а изо рта и глаз у него бил синий свет. В углу лежали гантельки, а у входа висела искусственная голова василиска с раскрытой пастью. Кто-то насадил на клык яблоко.

– Не возражаешь?

Я отцепила яблоко, откусила его и подошла к окну. Хрумкая, выглянула наружу и тут же вцепилась в подоконник, выронив яблоко и стараясь не послать ему вслед первый кусок. Земля осталась где-то далеко внизу, за жемчужной ватой облаков, а на лужайке перед главным зданием ползали какие-то муравьи.

– Разве мы не на третьем этаже?!

Озриэль наконец достал что-то из шкафа, подошёл ко мне и спокойно выглянул наружу.

– На третьем, это иллюзия. Руководство академии решило перестраховаться. Ну, знаешь, от ранимых романтиков всего можно ожидать. Чуть что не так, поэму там не оценили – сигают из окон. А с поднебесья это как-то психологически сложнее, чем с третьего этажа. Всё, нам пора. Скоро первая пара закончится.

Он отлепил мои руки от подоконника и отвел на середину комнаты. Тут я вспомнила про нашу главную миссию.

– Так зачем мы здесь? Ты что-то придумал? Знаешь, как

вычислить моего Суженого?

– Да, причем ты пойдёшь со мной и сама его найдёшь. Ведь только ты сможешь понять, он это или не он.

– Куда пойду?

– На занятия. Тоже притворишься студентом.

Я кинула взгляд в зеркало в дверце шкафа, где отражалась во весь рост, и снова посмотрела на Озриэля:

– Э, тебе не кажется, что мне могут не поверить? Я как бы…не очень похожа на будущего принца.

– Пока нет. А вот теперь похожа, – сказал он и накинул мне на плечи плащ – длинный такой, из синего шелка, расшитый звездочками. Я представила, как финальным штрихом он надевает на меня колпак звездочета, и покосилась на окно. Третий этаж ведь всего лишь. Максимум перелом. Это лучше, чем остаться наедине с безумным ифритом.

Но тут он снова повернул меня к зеркалу и зажал рот ладонью. Очень предусмотрительно, потому что рядом с Озриэлем теперь возвышался здоровенный рыжебородый детина на две головы выше него. Причём не в плаще: темно синий сюртук даже не застегнулся – расходился на широкой, как бочонок, груди, а из закатанных рукавов торчали бугрящиеся мышцами руки, покрытые лесом рыжих волос.

– Я орангутанг?

– Ты мой сосед Гарт. Он наполовину огр.

Хорошо, что только наполовину. Я и без того почувствовала, что мысли начали ворочаться с трудом, а Озриэль как-

то слишком быстро говорит. Хотя минуту назад мне так совсем не казалось.

– А этот плащ…

– Для всех делает тебя им. Главное, ни в коем случае не снимай его.

Удивительно: оглядывая себя, я видела прежнюю Ливи, просто одетую в плащ, тогда как в зеркале отражался сосед Озриэля. В голове была какая-то каша. На лице полуогра отражалась тупая растерянность – именно такими я и представляла себе великанов, читая сказки, в которых храбрые портняжки обводят их вокруг пальца. Для пущего эффекта я ещё глазками поморгала. Озриэль рядом со мной смотрелся сущей тростинкой.

– Ах да, ты можешь почувствовать побочный эффект в виде отголосков личности Гарта. Просто не обращай на это внимания и не давай плащу залезть к тебе в голову.

Ему легко сказать, а до меня суть фразы дошла только через минуту. Я постаралась сосредоточиться на том, кто я, и напомнила себе, что вся эта дезориентация – лишь следствие чар плаща. Вроде бы, помогло. Я погоняла язык во рту, привыкая, и выдала с небольшими паузами:

– А остальные…не удивятся….если на занятие…придут сразу два Гарта?

Мне вопрос показался очень умным.

– Не беспокойся, этого не случится.

– Он что, в отъезде?

– Вроде того.

Озриэль вернулся к шкафу и раскрыл вторую створку. Там, свернувшись трогательным калачиком, спал Гарт. Скорее всего, калачиком его туда запихнул Озриэль, иначе тот попросту не влез бы. Единственное, что слегка успокоило мою совесть – выражение блаженной радости на широком конопатом лице.

– Кажется, ему снится что-то приятное.

– Ещё бы! Я на него три флакона сонного морока «Счастье огра» извёл. У меня теперь скидка в том магазине.

– Да у тебя криминальный склад ума!

Ифрит расцвел от удовольствия:

– Скажи это ещё раз!

Я улыбнулась ему тупой бессмысленной улыбкой:

– Спасибо, что сделал это ради меня.

– Пожалуйста. Не скажу, что меня мучает совесть: он мой арбалет зажал и уже второй месяц не возвращает.

– А откуда у тебя этот плащ?

– Да так, один знакомый одолжил.

Озриэль закрыл створку и направился к выходу.

– Идём, сейчас протрубят перерыв.

Я собиралась последовать за ним, но, кинув напоследок взгляд в зеркало, замерла, обнаружив, что Озриэль стоит на прежнем месте рядом со мной. Только теперь на нём были стильные узкие брюки в тонкую полоску, а вместо форменного сюртука фигуру облекала кожаная куртка из перелив-

чатых чешуек. Напомаженные кудри, небрежно отведенные назад, придавали ему томный и слегка роковой вид. Он приспустил темные очки, окинул меня оценивающим взглядом и подмигнул. Я обернулась на своего Озриэля – тот уже распахнул входную дверь – и снова на зеркало. В нём, как и положено, отражался ждущий на пороге ифрит.

Я помотала головой – похоже, чары доставят больше неудобств, чем я думала.

Из башни мы выбрались тем же путём, каким пришли. По дороге я вернула соучастнику красные свитки вместе с черновиками и задала мучающий меня вопрос:

– Озриэль…

– Мм?

– А ты покажешь, какой ты на самом деле? Я имею в виду, свою настоящую сущность…

– Нет, – отрезал он.

– Почему? Это возможно только под землёй?

– Нет, не только. Просто…не думаю, что наземным девушкам так уж понравится на это смотреть.

– А вдруг мне понравится?

– Ты последняя, на ком бы мне хотелось это проверять.

Над этим ответом я думала всю дорогу до главного здания, но так и не поняла, что он имел в виду.

Глава 5

в которой Озриэля обвиняют в дебоше, а я нарываюсь на драку

Благодаря моей надёжной маскировке, можно было больше не таиться, и мы воспользовались главной аллеей. По пути я привыкала к новым ощущениям и одергивала себя всякий раз, когда возникало желание повалить росшее поблизости дерево, чтобы проверить его на прочность, или вломить очередному нагло ухмыляющемуся студенту. А мне теперь казалось, что все они нагло ухмыляются. Уже начался перерыв, и вокруг болталось множество учащихся.

Несколько студентов у центрального крыльца раздавали какие-то листовки. На груди у каждого красовались значки «ЛСД». Я указала на них Озриэлю:

– А это кто такие?

Ифрит отмахнулся:

– Они из «Лиги Солидарности Драконам», настоящие маньяки своего дела. Сейчас вот взялись за этот случай с принцессой. Вроде, даже собираются специальную группу на её поиски отрядить.

– Давай-ка лучше обойдём крыльцо с другой стороны, а то тут лужица…

***

Мы с Озриэлем поднялись по мраморным ступеням в главное здание и оказались в просторном полутемном ве-

стибюле, напоминающем колодец: галереи располагались по кругу друг над другом и уходили в темноту. Строгостью, атмосферой и обилием мрамора академия напоминала здание суда. Статуи принцев-основателей стояли здесь не общей группой, как в фонтане на площади, а каждый в своей нише у стены. В центре располагался огромный стеклянный колпак высотой метра три. Внутри клубился разноцветный дымок. Стоило нам войти, и он уплотнился, превратившись в строгого пожилого господина в парике, старомодной ливрее и с жезлом в руках. Он поднёс к глазам лорнет и провозгласил официальным тоном:

– Приветствую, Озриэль Ирканийский. Руководство академии доводит до вашего сведения, что за дебош, устроенный сегодня на «Истории волшебного народа», вам надлежит прибыть после занятий в кабинет профессора Черапы, где будет назначено соответствующее наказание. – Привратник огляделся по сторонам, наклонился к самому стеклу и прошептал почти отеческим тоном: – Сочувствую, мой мальчик.

Я взглянула на Озриэля, в полной уверенности, что он сейчас сообщит об ошибке – ведь его не было на первом занятии! Но ифрит стоял, яростно сжимая кулаки.

– Я его прибью, – пробормотал он. – Потом оживлю, а потом снова прибью.

Привратник уже повернулся ко мне и неприязненно отстранился:

– Приветствую, Гарт Дуболом. За своим взысканием в связи с прогулом вы также обязаны явиться в кабинет профессора после занятий.

Я собиралась ответить что-нибудь вежливое, но вместо этого вдруг брякнула:

– Отвянь, старик.

А это сосед Озриэля – неприятный тип! Я, хоть и принцесса, никогда не позволяла себе подобных грубостей в отношении старших.

Привратник принял надменный вид и снова обратился в цветной дым.

Я догнала Озриэля у боковой лестницы.

– Что он имел в виду? Ты ведь пропустил «Историю волшебного народа». Наверное, произошла ошибка и…

– Да, Ливи, – перебил он, – произошла ошибка, и после занятий я сообщу о ней профессору. А сейчас забудь об этом и давай лучше поищем Магнуса.

Мы заглянули в кабинет поэтики и обнаружили там только профессора Марбис. Никто не рвался сюда раньше времени, все дожидались начала урока в коридоре. Пожилая дама стояла возле подоконника спиной к нам и пересаживала лютики из корзинки в горшок. Мне показалось, что цветы теперь выглядят гораздо лучше, чем утром: лепестки расправились и как будто бы даже стали ярче. Может, она успела их подкормить?

Профессор услышала шаги и повернулась:

– В чём дело, Ирканийский, Дуболом? Наше занятие только во второй половине дня, если мне не изменяет память. А она мне верна последние восемьдесят два года.

– Да-да, простите, профессор, – заторопился Озриэль, попутно обшаривая глазами кабинет. Я была занята тем же, но Магнуса ни в корзинке, ни где-либо ещё не наблюдалось. – Дежурный просил уточнить, не произошло ли на первой паре ничего необычного? Может, вы видели что-то странное?

Этот невинный вопрос привёл профессора в бешенство. Она приблизилась вплотную и ткнула сиреневым коготком в грудь ифриту, глядя на него снизу вверх, но при этом умудряясь нависать:

– Запомните, молодой человек, я пережила восьмерых мужей, последний из которых страдал огненной одышкой, и на принцев у меня и подавно хватит сил. Так что передайте мадам Лилит: пусть не надеется уволить меня по причине старческого маразма. Нет у меня никаких глюков. И на пенсию я уйду сразу в могилу!

– Конечно, профессор Марбис, – промямлил Озриэль, но та уже отвернулась и отошла к окну. Сейчас она напоминала мне Эмилию, кудахтающую над своими цветами.

Магнуса тут явно не было, и мы поспешили удалиться.

– Кто такая мадам Лилит? – спросила я в коридоре.

– Ректор академии.

– Они что, не ладят?

– Профессор Марбис ни с кем не ладит. Кроме Индрика,

конечно.

Выяснять подробности я не стала. Сейчас были вопросы и поважнее:

– Что же нам делать? Видимо, Магнус успел сбежать до того, как она его обнаружила, и теперь может быть где угодно.

– Вчера он показался мне довольно разумным и самостоятельным пауком. Уверен, в случае чего, он найдёт дорогу обратно. Тебя ведь приняли в лавку? Всё в порядке?

– Да, сегодня первый рабочий день. Надеюсь, ты прав… – вздохнула я.

– Вот и хорошо. А сейчас лучше сосредоточься на поиске Суженого. На «Этикете ухаживаний» как раз соберётся весь поток, больше шансов его встретить.

Поскольку фисташки исключались, мы решили прибегнуть к прямому методу: задача Озриэля заключалась в том, чтобы присматриваться к студентам на предмет наличия темных меток, а моя – прислушиваться к ощущениям, чтобы не пропустить знак. Это могло быть что угодно – от щекотки под коленками до мушек перед глазами. Я только надеялась, что указующий знак – не выдумки…

Мы уже подошли к нужной аудитории и собирались войти, но тут какой-то парень оттеснил меня, чтобы другой – высокий и темноволосый – зашёл первым. За ним проследовала свита из трёх-четырёх таких же надменных юношей, включая толкнувшего меня. Кулаки у меня зачесались от од-

ного вида их холеного предводителя – тот даже не взглянул в мою сторону! Раньше никогда не понимала драчунов, но теперь костяшки прямо-таки пульсировали от желания встретиться с его возмутительно прямым носом и стереть с бледного лица выражение превосходства. Словно почувствовав на себе мой взгляд, он обернулся, и в глубине холодных черных, как маслины, глаз зажглись недобрые огоньки.

Я решительно шагнула в аудиторию и дернулась было к нему, но Озриэль тронул меня за плечо:

– Осторожнее. Не связывайся с Марсием Фьерским.

– Да я его мизинцем перешибу! – свирепо заявила я.

«Боже, что я несу?» – завопил какой-то уголок сознания.

– Вот именно этого и не стоит делать, – заволновался ифрит. – Ни в коем случае не дотрагивайся до него. Лучше вообще не приближайся. Это сейчас говорит плащ, не ты! Сопротивляйся.

– Ещё что-нибудь? – прорычала я.

«Нет-нет, я Ливи: нежная и воспитанная принцесса, которая не имеет ничего общего с драчливым полуогром Гартом».

– Кого ещё из этих дохляков мне нужно бояться?

Последнюю фразу я произнесла так громко, что все находившиеся в аудитории – а их было человек тридцать – повернулись в нашу сторону. Среди прочих мне в глаза бросилось удивленное лицо Индрика.

Тонкие губы брюнета начала растягивать улыбка. Он ле-

ниво поднял руки и ближайшие к нему студенты шарахнулись в стороны.

Теперь я вещала посреди гробовой тишины аудитории:

– Или только этого, в перчаточках? Он, наверное, ручки кремом смазал?

Себе я казалась прямо-таки фонтаном остроумия, но никто почему-то не смеялся. Кроме меня.

Кстати, на брюнете действительно были перчатки, из какого-то плотного материала, с монограммой и гербом рода.

– Ты зарвался, Дуболом, – подал голос он. – Уверен, если постучать по твоей голове, эхо разнесется по всей академии. Проверим?

Я бы на его месте померла от одного своего вида, но он был совершенно спокоен. Более того, на бледном лице отразилось предвкушение гурмана, заносящего вилку над креветкой.

Озриэль попытался увести меня подальше, но я раздраженно высвободилась. Ну уж нет, он не помешает мне навалять этому красавчику! Я чувствовала рвущуюся наружу мощь, которой на деле не обладала.

– Господа, если вы собираетесь доказывать своё умственное превосходство путём физического насилия, попрошу оставить мою аудиторию.

Все обернулись. В дверях стоял уже немолодой, но невообразимо элегантный господин, который, казалось, заскочил сюда по дороге на бал: на нём был серебристый фрак, белый

атласный жилет и пышный галстук-бабочка. Гладко зачесанные седые волосы лежали волосок к волоску. Мужчина прошёл к своему столу, распространяя волны дорогого парфюма.

Брюнет нехотя опустил руки.

Элегантный поправил платочек, торчащий из нагрудного кармана, и продолжил, как ни в чем не бывало, обращаясь ко всем присутствующим:

– Эти двое господ минуту назад продемонстрировали, что имеют весьма смутное представление о том, как следует вести себя в цивилизованном обществе. Боюсь, это означает низвержение с занимаемых позиций.

Бледное лицо Марсия пошло бурыми пятнами. Он бросил на меня взгляд, от которого поперхнулась бы медуза Горгона.

Я не поняла, почему его так рассердили эти слова, и лишь позже узнала, что профессор Гудинаф имеет привычку моделировать на своих занятиях королевский двор, повышая или понижая студентов по иерархической лестнице, в соответствии с заслугами или промахами. Каждому надлежало пройти путь от самой низшей должности до короля. За сорок лет, что он преподавал в академии, королем не стал никто. Ближе всех к великосветским вершинам вознесся Индрик: его на прошлой неделе произвели в герцоги. Гарт к настоящему моменту едва успел перебраться из чистильщика конюшен в помощники грума, так что падение было не слиш-

ком болезненным, а вот Марсий в результате стычки скатился из барона в старшие лакеи.

Профессор меж тем энергично и с присущей ему элегантностью взял дело в свои руки:

– Разбились на пары. Нет-нет, Ирканийский, только не с соседом, найдите себе кого-нибудь другого.

Я не ожидала, что нас разлучат, и слегка растерялась.

– Не волнуйся, – успел шепнуть Озриэль, – сейчас будет практическое занятие, ничего сложного. Так даже лучше: сможешь присмотреться к партнёру. Главное, держись подальше от Марсия…и сопротивляйся Гарту, и не слушай Сида.

– А кто такой Сид?

Но ифрит, повинуясь вздернутым бровям профессора, уже занял место напротив одного из учащихся.

И почему я не озаботилась заранее поинтересоваться, как обычно проходят занятия по этикету ухаживаний? Может, потому что Гарту Дуболому не было до этого дела, а я всё больше чувствовала давление его личности…если так можно выразиться. Ну, или как там лучше назвать вспышки беспричинного раздражения и непреходящее желание намять бока – неважно кому.

Столы сдвинули к стенам, и все свободно разместились в аудитории. Одному рослому парню с курчавыми каштановыми волосами не хватило пары, и он с недовольным видом встал напротив меня.

– Итак, надеюсь, все успели повторить к сегодняшнему занятию технику преподнесения букетов? С этого и начнём!

Профессор хлопнул в ладоши, и прямо из воздуха ему в руки упал шикарный букет анемонов, составленный с необычайным вкусом

– Помним о правильном положении запястья. – Преподаватель чуть сдвинул пальцы, подкрепив разъяснения наглядным примером. – А теперь легким, но при этом точно выверенным движением вручаем цветы объекту.

Анемоны с непередаваемой грацией перекочевали в руки ближайшего к нему студента. Раздались восхищенные хлопки и даже свист, хотя, уверена, все присутствующие уже не раз наблюдали этот манёвр. Я и сама была под впечатлением. Половина моих фрейлин влюбились бы в профессора за одно это движение кисти.

Он снова деловито хлопнул в ладоши:

– Ну всё, приступили.

Громкий звук привёл меня в чувство, и я вытянула руки в ожидании, что в них сейчас свалится букет.

– Дуболом, вам отдельное приглашение нужно?

Вокруг послышались смешки и я обнаружила, что остальные уже выстроились к шкафу у дальней стены. Каждый по очереди доставал оттуда искусственный букет из проволоки и бумаги, после чего возвращался на место. Чувствовалось, что аляповатый реквизит успел побывать в руках многих поколений студентов до нас. Озриэль стряхивал пыль с

поистине жутких колокольчиков. Я поспешила пристроиться в хвосте. Мне достались унылые оранжевые гвоздики.

Наконец, когда с распределением букетов было покончено, приступили непосредственно к тренировке. Профессор Гудинаф расхаживал между старательно пыхтящими студентами, время от времени поправляя положение рук и отпуская замечания вроде: «Нежнее!», «Немного разверните корпус и отставьте правую ногу. Вооот, уже лучше!»

Не увидь я этого собственными глазами, в жизни не поверила бы, что будущие принцы занимаются подобной ерундой. Подарить цветы? Да это же проще простого!

Но, оказывается, про слово «просто» надо забыть, если ты Гарт Дуболом. Я вдруг обнаружила, что понятия не имею, каким концом держать гвоздики. Поглядев по сторонам, с концом я определилась, но вот в остальном далеко не продвинулась.

– Долго ты ещё будешь топтаться? – нетерпеливо прошипел напарник.

– Ты чем-то недоволен? – рыкнула я, и парень тут же присмирел.

Я на секунду закрыла глаза, усилием воли загоняя полуогра поглубже. Помогло лишь отчасти: нашим личностям было тесно под одним плащом. Я то практически его не чувствовала, то начинала путаться в простейших вещах. Вскоре профессор уже неотлучно дежурил возле нашей пары.

«Дуболом, вы это нарочно?»

«Сколько раз повторять, что цветы не дарят стеблями вперёд!»

«О, Господи, и почему вы не продолжили семейное дело? Лесоруб – отличная профессия!»

Пальму первенства со мной делил Марсий Фьерский, явно не отошедший от недавнего унижения. Черные глаза то и дело со злостью останавливались на мне, но вымещал он её на напарнике – юноше из своей свиты. Тот сносил всё безропотно. И почему они так с ним церемонятся?

Профессор хмурился, разрываясь между нами двумя:

«Вы будто делаете даме одолжение, Марсий! Ни одна леди не примет букет, подаренный так небрежно».

«Вы должны *вручить* девушке букет, а не разрубить её пополам».

Брюнет и впрямь размахивал цветами так, словно орудовал мечом.

Профессор нервно постукивал носком лакированного ботинка о пол и наконец упорхнул к Марсию, а я сунула гвоздики своему напарнику и огляделась. Но ни одно из раскрасневшихся лиц не заставило сердце сладко дрогнуть. Наверное, чтобы почувствовать знак, нужен более близкий контакт. Я подняла руку.

Брови профессора вспорхнули удивленными галками:

– Да, Дуболом?

– Профессор, я тут подумал… – несколько голов изумлённо повернулись в мою сторону, – может, нам меняться пара-

ми? Ну, чтоб отрабатывать с разными партнёрами.

– Отличная идея! – Похоже, профессор и сам не верил, что говорит это. – Будем двигаться по часовой стрелке. Меняемся по хлопку. Раз, два, поменялись!

Я успела перехватить одобрительный взгляд Озриэля.

Через три смены началось новое упражнение. Нам предстояло отрабатывать друг на друге комплименты. Букеты были отложены, и их место заняли небольшие жестяные подносы. Профессор взмахнул рукой, и в середине каждого появилось крохотное пирожное, с виду настоящее. По аудитории разлился сладкий аромат ванили и корицы. Теперь я уже была настроена не столь скептично и внимательно слушала инструкции, стараясь запоминать всё в точности. Оказалось, сделать правильный комплимент не легче, чем отыскать цветочную лавку по карте мамаши Пикус. Дело не ограничивалось красивыми словами, там всё работало в комплексе. Помимо самой фразы, следовало помнить о мягком тоне, полуулыбке, выверенном расстоянии между вами и объектом и как бы случайных касаниях. На деле касания являлись ключевым пунктом.

– Обратите внимание на движение мизинца и этот незаметный щелчок в самом конце.

Длинные пальцы профессора сплели в воздухе непринужденный узор, в котором, при ближайшем рассмотрении, угадывалась хитрая комбинация.

Суть предстоящего упражнения заключалась в том, чтобы

комплиментом заставить напарника съесть пирожное. Каждому давалось три попытки. На первый взгляд, задача представлялась невыполнимой, но профессор своим примером доказал, что настоящая галантность творит чудеса. Хотя, подозреваю, без маленьких чудес всё-таки не обошлось. Только в данном случае это было не заклинание, и не магический предмет, а сочетание слов и движений, которые, при правильном исполнении, создавали волшебный фон очарования. А покоряться очаровательному собеседнику – одно удовольствие.

Как и в прошлый раз, профессор взял на себя первичную демонстрацию. Ничего не значащая фраза приобрела в его устах непередаваемую прелесть, и вот уже подопытный студент ел из его рук молочный трюфель. Вид у парня при этом был донельзя счастливый.

– Все всё поняли? – спросил профессор, вытирая пальцы о кружевной платочек. – И помним: тон, поза, улыбка, жест. Никаких дополнительных приёмчиков, сдерживаем свою природу, господа. А теперь за дело!

Он снова звонко хлопнул в ладоши, и студент, минуту назад восторженно лобызавший его пальцы, заморгал и с удивлением вытер шоколадные усы.

Напротив меня оказался тоненький блондин с острым личиком. Бледная кожа тихо мерцала, словно он припудрился. Большие серые глаза напоминали подмерзшие озера, во всём облике чувствовалась располагающая мягкость. Он держал

поднос с крохотным безе с ловкостью бывалого подавальщика.

– Только попробуй сделать ещё шаг, – буркнул через меня Гарт.

Парень ответил кроткой обезоруживающей улыбкой. Тут я заметила, что Озриэль делает какие-то отчаянные жесты, указывая на моего напарника, но так и не поняла, что они значат.

Блондин не предпринимал никаких попыток приблизиться. Так и стоял, глядя на меня чистыми серыми глазами, которые внезапно приобрели головокружительную глубину. Меня прямо-таки затягивало в восхитительный водоворот их искренности. Я всё ещё была в аудитории, но при этом все окружающие сделались какими-то далекими и ненастоящими. Я ощутила приятную расслабленность, а ещё поняла, что стоящий напротив – отличный парень. Не просто отличный – он мой лучший друг! И неважно, что я даже имени его не знаю. Я готова рассказать ему всё на свете: про глупую влюбленность в трубача из королевского оркестра, про то, как нарушила отцовский запрет и убежала из дворца, про то, что притворилась Гартом. Последняя мысль меня особенно поразила: я ведь бесстыдно обманываю этого милого светлоокого юношу, моего лучшего друга! Так не годится, я должна сейчас же ему во всём признаться! Я уже потянулась, чтобы развязать тесемки плаща, но тут в голове раздался мягкий голос, не женский и не мужской, он словно гладил изнутри…

Я пришёл из страны, где нет смерти и боли, старости и невзгод. Её земли покрыты вечно зелеными садами, а в воздухе разлита нега. Её жители не ведают слёз и дни напролёт проводят в пирах и танцах. Там все любят друг друга и остаются вечно молодыми. Взойди со мной на хрустальную ладью, и поток бессмертия отнесёт нас к её берегам… Всё, что для этого нужно, – откусить крохотный кусочек. Это безе – твой билет в сказочный мир…

Безе? Всего-то! Да что угодно ради лучшего друга!

Я протянула руку к подносу, не отрывая зачарованного взгляда от сверкающих и пронзительных до мурашек очей, когда откуда-то слева послышался шум.

– *Нет-нет, не отводи глаза!* – взвизгнул голос в голове куда менее чарующим образом, а лицо блондина приняло озабоченное выражение, вмиг подрастеряв располагающую проникновенность.

Я, как во сне, повернулась к источнику шума, попутно стряхивая остатки оцепенения.

– Приказываю: ешь! – Голос Марсия Фьерского звенел от бешенства. Парень напротив него растерялся, не зная, как поступить. Профессор уже двинулся к ним:

– Марсий, я же сказал: никакого принуждения, только тон, поза…

Договорить он не успел, потому что брюнет раздраженно

сдернул одну перчатку (самая обычная рука – никаких тебе когтей или перепонок) и отвесил посмевшему ослушаться короткую пощечину. Его напарник вытаращился от ужаса и, как стоял, упал навзничь. Голова с металлическим стуком ударилась о пол.

Наступила гробовая тишина, все в молчаливом шоке уставились на лежащего.

Первая подала голос я.

– Озриэль, у него голова чугунная!! – завизжала я, тыча пальцем в неподвижное тело. – Нет, ты это видишь? Видишь?!

Я это сейчас в прямом смысле: казалось, к живому телу приставили голову чугунной статуи. Лицо несчастного застыло в беззвучном вопле.

– Кто-нибудь, уймите Дуболома, у него истерика, – бросил профессор и склонился над пострадавшим студентом.

– Да, профессор. – Озриэль шагнул ко мне и крепко стиснул локоть. – Я отведу его в лекарскую башню.

Преподаватель кивнул, и ифрит потянул меня к выходу. Я оборачивалась всю дорогу до двери. Виновник случившегося теперь стоял по одну сторону от тела, а все остальные сбились в кучку по другую. Даже верные вассалы Марсия не спешили занять место подле него, не зная, успел ли он остыть – никто не горел желанием нарваться на следующую оплеуху.

Но тот уже выместил раздражение и снова натягивал пер-

чатку. По лицу разлилось удовлетворение.

– Нет, ты это видишь? Видишь? – повторяла я, дергая Озриэля.

– Вижу, – коротко отозвался он.

Профессор поднял на Марсия раздраженный взгляд:

– И что теперь прикажете с ним делать?

– Можно отлить на сувениры, – предложил тот. – Как вариант, насадить голову на пику и выставить на воротах – для устрашения врагов.

Его приспешники заискивающе захихикали.

– Очень смешно, – сухо резюмировал профессор. – Придётся побеспокоить вашего отца и пригласить придворного мага.

– Валяйте, – зевнул Марсий. – У отца этих челобитных – хоть бумажный дворец строй. Но через годик-другой дойдёт очередь и до вашей записки.

– Я не потерплю, чтобы…

Чего именно не потерпит профессор Гудинаф я так никогда и не узнала, потому что Озриэль вывел меня в коридор.

Глава 6

о том, как нас с Озриэлем почти научили летать

Перерыв ещё не начался, и повсюду стояла торжественная тишина, нарушаемая лишь гулом учебного процесса за за-

крытыми дверями.

Ифрит остановился и встряхнул меня.

– Тебе как, лучше?

– Да… – выдавила я. – Кто Марсий такой?

– Наследный принц.

– Наследный *кто*?

– Сын короля.

– Хочешь сказать, будущий правитель Затерянного королевства?

– Именно.

– То есть он принц, который учится на принца?

– Ну, вообще-то никому не положено знать, кто он. Марсий здесь инкогнито.

– Но всё об этом знают?

– Ага.

– Он отлично умеет не выделяться.

Мы двинулись дальше по коридору.

– По правде сказать, тут не только его вина: трудно не выделяться, когда к тебе приставлены телохранители, а под апартаменты отвели целый этаж.

– А что с его рукой?

– Руками, – поправил Озиэль. – Он превращает в чугун всё, к чему прикасается. У него даже прозвище есть: «Чугунок». Только об этом тссс.

– Но все его знают?

– Точно.

– Чугун, значит…полезное свойство! И дворцовые кухарки всегда при кастрюльках. Хотела бы я такие ручки…

– Уверена?

Я взглянула вниз, на наши с Озриэлем переплетенные пальцы, и промолчала, а потом тихонько высвободилась.

Мы ещё немного прошагали в тишине.

– Что-нибудь почувствовала в аудитории? – спросил он, когда мы спустились на несколько этажей ниже.

Я покачала головой:

– Нет.

– Точно? Совсем-совсем ни к кому? – участливо осведомился ифрит.

– Точно.

– Жаль, – сказал Озриэль, и его лицо просветлело.

– Хотя нет, погоди, мой последний напарник…

– Это не то, – отмахнулся ифрит. – Я же предупреждал не приближаться к Сиду Туатскому.

– Да, только не сказал, который из них он!

– Я же показывал! – оправдывался Озриэль.

– Взмахи руками не считаются. Так кто Сид такой? Он обещал покатать меня на хрустальной ладье и искупать в неге.

– Так и сказал? – прыснул Озриэль.

– Смысл был примерно таким. Я, знаешь ли, точно не запоминала. В последнее время слишком много народа перебывало в моей голове. Пора опись проводить.

Я резко остановилась:

– Озриэль! Он знает, кто я.

– Не знает, – успокоил ифрит. – Сид не умеет читать мысли – только забираться в них. Считай его кем-то вроде фея.

– А откуда он?

– Описание страны было довольно точным.

Я сделала вид, что задумалась:

– Пиры, танцы, бессмертие… Может, ещё не поздно вернуться в аудиторию?

– Не вариант, – подхватил Озриэль. – Он только обещания раздаёт, но попасть туда могут лишь подобные ему.

– Я не много потеряла. Зачем мне парень, который пудрится?

* * *

В лекарскую башню мы, разумеется, не пошли. На этот раз я провела беседу с большей пользой, вызнав у Озриэля всё, что могла про академию. По сути, она была чем-то вроде мужского аналога пансиона для благородных девиц. Тут студентов учили обращаться с оружием, вести себя в обществе, прививали знания в разных областях, с упором на те или иные предметы, в зависимости от выбранного направления. По официальной версии, Марсия сюда поместили именно с такой целью. По слухам же, случилось это после того, как его отец обзавёлся парком чугунных скульптур. Придворный маг потом несколько месяцев расхлебывал кашу, а Его Ве-

личество собственноручно рассылал письма с извинениями семьям аристократов и грозился лишить единственного сына права на престол в пользу дальнего родственника. Король, видимо, надеялся, что здесь отпрыска научат сдержанности. Я вспомнила гордый профиль с портрета на стене в лавке мадам Гортензии. Вроде, не похож на наивного…

Как оказалось, помимо Марсия, здесь учились и другие принцы – те, что прибыли из других королевств и земель. Правда, среди них больше не было ни одного наследного, и монаршья кровь подчас исчислялась каплями. Например, Озриэль, в сущности, тоже являлся принцем с туманной перспективой стать когда-нибудь королем, в случае кончины остальных восьмидесяти двух претендентов на престол, включая его шестерых братьев и отца. Таким образом, часть поступающих в академию изначально являлись принцами по происхождению, другие – нет, но все без исключения выпускались отсюда с соответствующим титулом и дипломом. Что касается юношей королевских кровей, они учились в Принсфорде в основном из соображений престижа – чтобы завести полезные знакомства, ну и для отшлифовки светских навыков, но в целом заранее знали, что их будущее обеспечено. Им раскрывали гостеприимные объятия факультеты доблестных защитников и магической дипломатии.

К другой категории учащихся принадлежали юноши из простых семей, попавшие сюда за те или иные заслуги. На учебу их направляли власти родного королевства. Их куда

охотнее принимали факультеты ученых мужей и ранимых романтиков. После выпуска их ждали две наиболее вероятных альтернативы: творческая стезя (от таких родители всё равно ничего путного не ждут) или женитьба на деньгах. Новообретенный титул позволял замахиваться даже на принцесс. Конечно, всегда можно было просто вернуться домой, положить диплом в сундук и снова взяться за мотыгу.

Существовал и третий вариант проникновения в эти стены: родиться в очень богатой семье. Но в итоге все вышеперечисленные категории учащихся получали одинаковые по ценности дипломы. То есть принцем можно стать как по факту рождения, так и в результате обучения, и академия очень гордилась тем, что не делала никаких различий между своими студентами. Разумеется, эту оплошность спешили исправить сами учащиеся. Плебеям не было доступа в компанию Марсия Фьерского и ему подобных.

И да, серьезным заклинаниям и чарам здесь не обучали. Так, волшебство по мелочи. За правонарушения нещадно исключали, а быть исключенным из Принсфорда – несмываемый позор. За всю историю едва ли набралось три таких случая. Конечно, никто не мешал брать уроки колдовства у практикующих магов, нанимая их в качестве частных учителей. Некоторые так и поступали. Но для публичного использования магии требовалось соответствующее разрешение. Мелкое колдовство не нарушало магический фон, а что-то посерьезнее оставляло отпечатки, по которым преступ-

ника и можно было вычислить. Это не касалось природных свойств. К примеру, трюки Сида колдовством не считались, поскольку являлись частью его природы.

Рассказ Озриэля пролил свет на многое. Загадкой осталось лишь, как сюда попал Гарт.

– Он что, из богатой семьи?

– Нет, говорят, он на вступительных вместо ответа на вопрос затянул песню. Члены комиссии так расчувствовались, что сразу определили его в ранимые романтики, не зная, что эта песенка лесорубов – единственное, что он знает. В принципе, с тех пор ничего не изменилось.

Я снова вернулась мыслями к Магнусу: где он сейчас? Вдруг напуган? Или заперт в аудитории? Или кто-то в этот момент заносит над ним башмак? Я высказала свои опасения Озриэлю. Он минутку подумал и сообщил:

– А знаешь, у меня есть идея, идём.

– Куда?

– К голосу нашей академии.

– Ты о привратнике? – догадалась я.

Озриэль кивнул, и мы направились к центральной лестнице.

Плащ волочился за мной по полу, а ещё мне казалось, что я тащу на плечах полуогра впридачу. Неприятно чувствовать, что ты в своём теле не один.

– Больше не могу, – пожаловалась я. – Хочу снять этот плащ

Ифрит беспокойно заозирался:

– Нельзя, Ливи: если кто-нибудь тебя увидит, проблем не избежать. Плюс к тем, что уже имеются.

Видимо, вспомнил про недоразумение с «дебошем».

– Хочу тебе вмазать, – призналась я.

– Что? – Озриэль повернул ко мне изумленное лицо.

– То есть, конечно, не я, а Гарт.

– Аа… так и знал, что все эти его взгляды неспроста. А почему? – полюбопытствовал он.

Я прислушалась к жалобам полуогра.

– Ну, у тебя локоны такие…кудрявые. – Озриэль озадаченно дёрнул светлую прядку. – А ещё чистые. И сюртук хорошо сидит, а не лопается, как на мне. Всякие волшебные штуковины есть – вот как твой арбалет. Я тоже такие хочу.

– То есть хочешь сказать, что ты…то есть Гарт – что он мне завидует? – удивился ифрит.

– Не то слово!

– Ну и ну!

В этот момент мы снова оказались в полутемном вестибюле, где всё дышало строгой торжественностью. Привратник скучал под колпаком разноцветным дымком. При виде нас, он снова обрёл плоть, если так можно выразиться.

– Озриэль, мой мальчик! Почему ты не на занятии? – Старичок тут же нахмурился: – Неужели снова взыскание? Два за один день – это уже…

– Нет-нет, Август. – Ифрит заторопился вниз по ступе-

ням. – Произошёл инцидент с Марсием на этикете.

– А, ну, сир Фьерский выкрутится. В крайнем случае, Его Величество ещё пару башен к академии пристроит.

Последнее привратник произнёс шепотом и лишь убедившись, что поблизости больше никого нет. Тут он покосился на меня:

– Вы, как я вижу, сдружились.

– Не то чтобы… Но не волнуйся, Гарт никому не скажет.

Озриэль в любом случае был прав: для того, чтобы сказать, надо сперва запомнить.

Я подошла и встала рядом с ифритом. Господин Август скользнул по мне взглядом и хотел отвернуться, но внезапно нахмурился, протёр лорнет и всмотрелся внимательнее. Меня прошиб холодный пот. А что если на него магия плаща не действует? Но тут он отстранился и слегка пожал плечами, как человек, которому что-то почудилось.

Ифрит тем временем легко вспрыгнул на постамент и, придвинувшись вплотную к стеклу, что-то зашептал. Привратник слушал, приставив к уху ладонь.

Едва он успел договорить, прогремели трубы, и коридоры наполнились шумом и хлопаньем дверей.

Господин Август снова принял официальный вид, прочистил горло и поднёс ко рту рожок в оправе из черненого серебра, висевший у него на шее. Под сводами академии раздался магически усиленный голос, отражаясь от стен:

– Внимание всем учащимся и преподавателям Принсфор-

да! Сегодня из королевского зоопарка сбежал очень редкий паук, единственный в своём роде. Отличительные приметы: боевая пика на спинке и вздорный нрав. Всем, кто его видел, просьба сообщить привратнику о местоположении. Ни в коем случае не дотрагивайтесь до него, это может быть опасно! Если же объявление слышит сам паук, пусть спустится в вестибюль.

Мы прождали весь перерыв, но Магнус так и не появился.

– Жаль, – сказал Озриэль, – надеялся, сработает.

– Что сейчас по расписанию? – вздохнула я. – Скоро придётся вернуться в цветочную лавку.

– Музицирование.

* * *

В отличие от этикета ухаживаний, музицирование было профильным предметом, поэтому здесь собрались учащиеся только одного факультета. Занятие вела молоденькая профессор Амфисбена, похожая на осу – возможно, из-за строгого желтого костюма в черную полоску и указки-жала. Узкий красный поясок делил её пополам, отгораживая пышные бедра от аккуратного верха. Две косы оборачивались вокруг головы, а по бокам торчали тщательно завитые золотистые кудряшки, которые подпрыгивали при ходьбе. Тоненький голосок становился ещё тоньше, когда поблизости оказывался Озриэль.

Каждый учащийся занимался на своём инструменте, но

удивительным образом никто никому не мешал. Здесь наблюдалось всё многообразие – от ручного органа до рок-мандолины Индрика. Когда он перебирал низкие басы, у меня в груди гудело.

Озриэль выкатил из шкафа столик, уставленный рюмочками, стаканчиками и прочими стеклянными сосудами с разноцветными жидкостями.

– Что это?

– Музыкальные стаканчики, – пояснил он, отхлебывая морковный сок из синей пробирки. Отпив примерно треть, стукнул по ней металлическим прутиком и удовлетворенно кивнул: – Теперь не фальшивит. – Видя моё недоумение, добавил: – Звук зависит от сорта стекла, вида напитка, ну и, конечно, его количества. У меня есть клубничный компот, хочешь?

В этот момент к нам подошла профессор.

– Мне кажется, ваше «до» чуть-чуть не дотягивает, – сказала она и, перегнувшись через столик, подправила звучание сливовой настойки.

При этом она случайно пощекотала Озриэлю нос кудряшками.

– Вот теперь гораздо лучше, – улыбнулась она и выпрямилась, открыв моему взору пунцового ифрита. Он проводил её взглядом и прочистил горло.

Я тинькнула в крошечный серебряный треугольник – единственный инструмент, покорившийся Гарту.

– Думаю, тебе стоит пригласить её на стаканчик, – я окинула взглядом стол, – кофе.

– Что ты такое говоришь! – Озриэль вконец побагровел. – Профессору Амфисбене, наверное, двадцать три, не меньше. Она взрослая привлекательная женщина. Кто в двадцать три года обращает внимание на восемнадцатилетних ифритов? К тому же, это было бы неэтично. Вот когда я закончу академию…

Он продолжал бормотать что-то ещё, пока я не ткнула его локтем в бок. Озриэль поднял глаза и увидел стоящую напротив профессора. В руках она держала пробирку.

– О, я заметила небольшую трещинку на третьем сосуде слева и решила, что было бы лучше…вернее, звучание стало бы чище…в общем, вот.

Она поставила пробирку на краешек стола и поспешила вернуться к остальным. Когда она отошла, Озриэль со стоном впечатался лбом в столик, отчего все рюмочки мелодично подпрыгнули.

– Яду мне!

– В котором из стаканчиков?

Следующие пять минут я продолжала всячески поддразнивать его, перечисляя все известные пары в истории, на пути которых стояли неодолимые препятствия. Начала, разумеется, с себя.

Озриэль, в десятый раз не сумев сыграть гамму, отложил палочку. Мне вдруг сделалось ужасно совестно. Он ведь ста-

рается помочь в моём деле, а я вредничаю. Друзья так не поступают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.